

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

РОМЕО
ДОЛЖЕН
ПОВЗРОСЛЕТЬ

Детектив сильных страстей

Татьяна Бочарова

Ромео должен повзрослеть

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бочарова Т. А.

Ромео должен повзрослеть / Т. А. Бочарова — «Эксмо»,
2019 — (Детектив сильных страстей)

ISBN 978-5-04-103844-1

Анна Акулова – мать-одиночка и преподаватель алгебры и геометрии в колледже. Ее боятся, ею восхищаются, ее уважают, но сторонятся. И лишь старшекурсник Сашка Дронов тайно и безответно влюблен в молодую учительницу. Но он знает, что шансов у него нет... И вот в колледже появляется новый завхоз, офицер в отставке Дмитрий Ключев. Скоро в колледже начинают замечать, что Дмитрий неравнодушен к Анне и – о, чудо – неприступная гордячка отвечает ему взаимностью. Анна счастлива с Ключевым и уже готова познакомить его с маленькой дочкой, как вдруг случается страшная трагедия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103844-1

© Бочарова Т. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	18
5	23
6	25
7	32
8	36
9	40
10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Бочарова

Ромео должен повзрослеть

© Бочарова Т., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

1

Ранним октябрьским утром Анна въехала за шлагбаум и припарковала свою малышку «Шкоду Фабию» во дворе колледжа. Настроение у нее было отличное: за прошедшие выходные она успела прекрасно отдохнуть, выспаться, переделать кучу дел, да еще умудрилась сходить с Олесей в зоопарк. В теле ее ощущалась бодрость, ноги, обутые в симпатичные ботильоны из черной замши, весело шагали по шелестящему золотистому ковру. Она легко взбежала по ступенькам, толкнула стеклянную дверь и очутилась перед турникетом.

– Доброе утро, Анна Анатольевна! – приветливо поздоровался пожилой усатый охранник. – Что-то вы рано сегодня.

– Доброе утро, Николай Саныч. – Анна приложила к табло электронный пропуск. Турникет запищал и подмигнул зеленым глазом. – Стараюсь быть пунктуальной.

Она оставила подпись в журнале, взяла ключ и направилась к кабинету. Обычно ей не удавалось приходить заранее, нужно было отвезти Олеся в садик, который находился в полчасе езды от колледжа. А с утренними пробками выходило и все сорок минут, поэтому Анна часто являлась на работу впритык, к самому началу пары. Что поделаешь, мать-одиночка вынуждена крутиться как волчок и все равно чего-то не успевает, потому что растит ребенка без бабушек и дедушек, а на подхвате у нее лишь единственная тетка, пожилая, больная и живущая на другом конце Москвы.

Анна шла по коридору, краем глаза ловя свое отражение в зеркалах: безупречная осанка, гордо поднятая голова, волосы туго зачесаны в гладкий – ни одной непослушной прядки – пучок. Строгий серый брючный костюм сидел на ней как влитой. Она улыбнулась едва заметно краем губ. «Все хорошо, прекрасная маркиза». Так любил говорить отец. Так теперь говорит она сама себе каждый день, просыпаясь утром.

У двери кабинета уже стояла стайка студентов, самые сознательные повторяли задание, уткнувшись в конспекты. Остальные весело болтали или торчали в телефонах. При виде Анны все оживились.

– Анна Анатольевна! Здравствуйте! Сегодня будет самостоятельная?

– Здравствуйте! – Анна повернула ключ и распахнула дверь. – Обязательно будет. Проходите.

Четвертый курс заполнял кабинет, рассаживаясь за столами. Анна прошла к кафедре, где на столе у нее в полном порядке были разложены стопки тетрадей, учебники, стояли ноутбук и стаканчик с карандашами, ручками и маркерами. Она удобно устроилась в мягком кресле и оглядела класс.

– Примерно треть отсутствует. По каким причинам, интересно?

– По причинам первой пары, – подал голос толстяк с последней парты.

– Не поняла я твоего юмора, Круглов, – холодно сказала Анна. – У нас в этом семестре алгебра все время первой парой. И что теперь, не ходить на нее?

Круглов молча пожал плечами и уставился в стол.

– Предупреждаю еще раз – в конце года у вас экзамен, оценка идет в диплом. Кто-то хочет двойку в аттестате?

– Никто, – протянул нестройный хор.

– Я так и думала. – Анна, выбрав из стаканчика синий маркер, подошла к доске. – Это задание для самостоятельной работы. Пять пунктов. Кто справится раньше, тот может сделать еще два. Они будут в конце, за чертой.

– Тут до черты бы успеть, – недовольно пробормотал Круглов и опасно покосился на Анну.

Она писала задание, маркер тихонько поскрипывал у нее под пальцами, в кабинете стояла сосредоточенная тишина. Анна любила такую тишину, эти ранние утренние часы. Сейчас все, присутствующие в светлом и уютном кабинете, были как бы заодно. Анна знала, видела: несмотря на то что утро, хочется спать, ребятам интересно, они уже включились в работу. Она слышала тихий шелест мыслей... «Шелест мыслей». Так тоже говорил отец. Аня с мамой смеялись: как это мысли могут шелестеть? А он отвечал: «Могут. Особенно хорошо это слышно ранним утром». Потом Анна поняла, что он был прав. Когда стала сама преподавать, стояла у доски и смотрела на склоненные над тетрадями головы студентов. Тогда она и услышала шелест мыслей. Это было восхитительно...

Дверь кабинета открылась. На пороге возник долговязый юноша с копной отросших волос, почти закрывающих оба глаза.

– Можно войти?

Анна оторвалась от доски и недовольно посмотрела на прибывшего.

– Доброе утро, Дронов. Пара началась пятнадцать минут назад.

– Я в курсе. – Он спокойно смотрел на нее из-под неопределенного цвета челки.

– Если в курсе, тогда что стоишь? Быстро садись и переписывай задание. Но учти, в следующий раз опоздаешь – не пушу.

Парень кивнул и полез к окну. Анна продолжила писать, с сожалением отмечая, что явление Дронова несколько нарушило деловую сосредоточенность. Шелест мыслей стал едва различим, а потом и вовсе пропал. Вместо него теперь отчетливо слышался громкий шепот: чертов Дронов преспокойно беседовал о чем-то со своей соседкой по столу. Такой наглости Анна стерпеть не могла.

– Дронов, ты сейчас пойдешь туда, откуда пришел. Еще один звук – и я тебя выгоню. Понял?

Дронов согласно кивнул и замолчал, однако по-прежнему продолжал сидеть за пустым столом, не достав ни тетради, ни ручки. На фоне общего действия его бездействие очень выделялось и казалось демонстративным. Анна почувствовала, как в ней закипает гнев. Опять! На каждом уроке он так себя ведет, словно требуя к себе особого внимания. Достал! Анна уже жаловалась на него тьютору курса. Та беседовала с ним, но без толку. И ведь главное – на других парах он тише воды ниже травы, только у нее выпендривается. Завуч Инна Михайловна Зеленина, как-то услышавшая Анины сетования по поводу Дронова, мило улыбнулась: «Да вы просто нравитесь Саше, Анна Анатольевна. Неужели не видите?» В ответ Анна дернула плечиком, пренебрежительно поджала губы. Еще чего! Не хватало, чтобы всякие сопляки ей оказывали знаки внимания, срывая при этом уроки. Она сделала глубокий вдох, стараясь вернуть самообладание.

– Так, Дронов. Или ты достаешь тетрадь и решаешь самостоятельную, или идешь к директору. А я позвоню твоим родителям.

– У меня только мать, Анна Анатольевна, – произнес Дронов все тем же невозмутимым тоном.

– Ну, значит, ей и позвоню.

– Анна Анатольевна, а вы себя хорошо чувствуете? Не устали? А то вы какая-то грустная.

– Что?! – Анна почувствовала, как щеки заливают предательский румянец. – Выйди вон. Я сказала, выйди из кабинета!

– Да выйду, выйду, не волнуйтесь так. – Дронов поднялся из-за стола. – Конфетку хотите? – Он пошарил в кармане толстовки и достал шоколадную конфету в яркой обертке. – Вот. Вкусная.

Анна молчала, демонстративно скрестив руки на груди.

– Ну, как хотите, – Дронов пожал плечами и пошел к дверям. В кабинете послышались смешки и шепот.

– До свиданья, Анна Анатольевна, – попрощался Дронов и скрылся за дверью.

Анна машинально приложила ладонь к пылающей щеке. Студенты оторвались от тетрадей и смотрели на нее с любопытством и ожиданием. Она знала, что они думают: неужели можно вот так безнаказанно злить Акулу, самую строгую и принципиальную преподавательницу во всем колледже?

Прозвище Акула Анна получила отчасти из-за фамилии Акулова, отчасти благодаря своему зубастому характеру. Всегда безупречно аккуратная и подтянутая, слегка холодноватая и отстраненная. С такой исключено панибратство, и тройку из жалости из нее не вытрясти. Когда Анна сердилась, в прозрачных синих глазах плескалась ярость, в голосе появлялся отчетливо слышимый металл, который заставлял робеть не только студентов, но и многих ее коллег. И вот теперь она стоит на виду у всего курса и чувствует дурацкую беспомощность из-за обычного нахала, едва вышедшего из подросткового возраста. Ну уж нет! Анна безапелляционным тоном произнесла:

– Времени осталось мало, поэтому не отвлекаемся больше, решаем задания. Я иду проверять, кто сколько сделал.

Поднятые головы тут же опустились, любопытные глаза уткнулись в тетради. Анна удовлетворенно кивнула и пошла по рядам.

2

После второй пары прибежала Светка.

– Ты что, обедать не собираешься? Я тебя жду в буфете, жду! Совсем заработалась!

– Да я как-то и не проголодалась, – засмеялась Анна.

– Везет тебе, – со вздохом проговорила Светка и выразительно глянула на безупречную фигуру Анны. Сама она похвастаться стройностью не могла, поскольку страстно любила пирожные и торты. – Ладно, – Светка махнула рукой. – Не хочешь в буфет, пойдем поднимемся ко мне. Сестра в Италию летала, такие сапожки классные привезла, а мне маловаты, молния не застегивается. Идем, примеришь.

– Да есть у меня сапожки, – попыталась было воспротивиться Анна, но Светка цепко подхватила ее под руку.

– Таких нет! Пошли.

Шла большая перемена, колледж гудел, как большой улей.

– А вот и твой воздыхатель! – Светка весело засмеялась и кивнула на прилепившегося к стене Дронова. Тот кинул на Анну печальный взгляд и уткнулся в телефон.

– Достал, – недовольно пробурчала Анна. – Уроки срывает. Тоже мне, кавалер.

– Сердцу не прикажешь. – Светка озорно тряхнула крутыми русыми кудряшками и потащила Анну на третий этаж, щебеча по дороге: – Танька еще много всего привезла – маечки всякие, штанишки, белье. Там в Милане такие распродажи сезонные... – Она вдруг резко замолчала и остановилась. – Ой... смотри-ка...

Анна тоже остановилась. Коридор, по которому они шли, оканчивался широкой рекреацией, в правом углу которой находился Светкин кабинет. Аккурат посреди рекреации висела огромная стремянка, на самом ее верху, точно гимнаст под куполом цирка, лихо балансировал мужчина. В руке у него была отвертка, которой он ловко орудовал, что-то прикручивая в большом потолочном светильнике. Одного взгляда на мужика было достаточно, чтобы онеметь от восхищения. В колледже такие не водились, это был явно нездешний экземпляр. На вид сильно за тридцать, одет с иголочки и стильно, лицо – смесь Алена Делона и Машкова. Черные, цвета воронова крыла, волосы зачесаны назад, на щеках легкая брутальная небритость. Все это Анна и Светка успели рассмотреть меньше чем за минуту, благо зрение у обеих девушек было отличным.

– Это кто? – шепнула Светка на ухо Анне.

Та пожала плечами, продолжая рассматривать незнакомца. Он заметил проявленное к его персоне внимание и элегантно опустил руку с отверткой.

– Здравствуй, девушки! – Голос у него был подобающий внешности – густой, приятный баритон.

Светка очнулась первой:

– И вам не хворать! А вы кто?

– Я ваш новый завхоз! – Брюнет не спеша спустился со стремянки и приблизился к подругам.

– Дмитрий Леонидович Ключев. – Он протянул широкую крепкую ладонь сначала Анне, затем Светке, и – о радость! – на безымянном пальце у него отсутствовало обручальное кольцо.

От Дмитрия Леонидовича приятно и в меру пахло хорошим дорогим парфюмом. Вообще для завхоза он был явно слишком крут – великолепная фигура, осанка, широкие плечи, правильные черты лица. Такому место на экране, а не в учебном заведении для нерадивых подростков.

– А вас как зовут, не хотите сказать? – Ключев смотрел на девушек с едва заметной улыбкой. Он, видимо, отлично осознавал, какое действие производит на женщин его внешность, и открыто наслаждался этим.

– Я Света, Светлана Максимовна, ОБЖ веду, – затараторила Светка, – а это Анна. Анна Анатольевна Акулова. Наш математик.

– Ух ты, – Ключев весело прищурился, – «А» в кубе, значит?

– Точно! – радостно завопила Светка. – Откуда вы узнали? Ее так и называют! А еще...

– Света, перестань, – Анна слегка подергала подругу за локоть. – Кому это интересно, как кого называют?

– Отчего же, очень интересно. – Ключев смотрел на нее в упор, глаза у него были синие, но не такие прозрачные, как у самой Анны, а густого ультрамаринового цвета.

«Можно утонуть», – неожиданно для себя подумала Анна. И тут же рассердилась – нечего тут в гляделки играть, подумаешь, смазливый мужик, видали мы и таких.

– Нам пора идти, – холодно проговорила она и подтолкнула отчаянно упирающуюся Светку, – у Светланы Максимовны пара. А у меня дела.

– Ну, раз дела, тогда конечно, – все с той же едва уловимой усмешкой произнес Ключев, – надеюсь, еще увидимся.

Он отошел. Анна поволокла упирающуюся Светку к кабинету, у которого уже толпились в ожидании студенты.

– Знаешь, не буду я, пожалуй, мерить твои сапожки. Дел полно, мне еще самостоятельные проверять.

– Зайди! Хотя на минутку! – взмолилась Светка. – А ну-ка тихо! – рявкнула она на гомонивших ребят. – Два преподавателя в классе! Быстро сели и повторяем домашнее задание.

Светка подтащила Анну к своему столу. Лицо ее пылало, глаза блестели.

– Ну что, как тебе?

– Ты о чем? – Анна сделала вид, что не понимает, хотя ей все было ясно.

Влюбчивая и наивная Светка с ходу втрескалась в завхоза. И неудивительно, в такого кто угодно втрескается за милую душу.

– Ань, ну, перестань! Не делай вид, что тебе все равно! Какой охренительный красавчик! И не женат!

– Ну да, ничего себе так, – стараясь казаться равнодушной, проговорила Анна, – вот вопрос – с чего вдруг его занесло в наши пенаты? Похоже, с доходами у него полный порядок.

– Какая тебе разница? – горячо парировала Светка. – Занесло и занесло. Должно же когда-то и нам повезти! А то все алкаши да женатики. Ты лучше честно скажи – понравился он тебе?

– Так себе. Слишком уж сладкий. До приторности. – Анна осознавала, что кривит душой.

Ключев ей понравился. Приглянулся сразу и безоговорочно. Более того, она была уверена, что и она ему понравилась. Она знала этот взгляд у мужиков, такой едва уловимый прищур, азартный огонек в глазах. А бедная Светка на что-то надеется, мечтает.

– Не может быть, чтобы он тебе совсем не понравился, – недоверчиво произнесла Светка, однако вид у нее при этом был довольный, – а я так влюбилась с первого взгляда. Как думаешь, у меня есть шанс?

Анна молчала, не зная, что сказать. Обнадежить Светку? Но ведь ясно, что такой, как Ключев, ею не заинтересуется. Анна его зацепила своей модельной внешностью, и то неизвестно, не повернет ли он на попятную, узнав, что у нее пятилетняя дочка. Светка разочарованно покачала головой:

– Все ясно. Лучше не обольщаться. Я тебя правильно поняла?

– Свет, тебя ждут, – Анна кивнула на ребят, сидящих за столами. – Потом все обсудим. После работы.

– Ну хорошо, – нехотя согласилась Светка и тут же прибавила: – Но обязательно обсудим! А сапоги возьми, у себя померишь. – Она сунула в руки Анне помятую коробку.

Анна вышла из кабинета. Ни стремянки, ни нового завхоза в рекреации уже не было. Анна несколько мгновений постояла в задумчивости, потом не спеша пошла по коридору к лестнице.

– Анна Анатольевна! – Она обернулась.

За ее спиной стояла Зеленина.

– У вас «окно»?

– Да.

– Что это? – Инна Михайловна кивнула на коробку. – Обувь?

– Да, сапожки. Светлане Максимовне из Италии привезли. Хотите примерить? У вас какой размер?

– У меня тридцать пятый, – кокетливо сказала Зеленина.

– Не подойдет. Это тридцать восьмой.

– Ладно, обойдусь без сапог, – Зеленина засмеялась.

Анна тоже улыбнулась. Инна Михайловна была из числа тех немногих коллег, которые ей нравились: миниатюрная брюнетка, некрасивая, но очень любезная и исключительно сдержанная, она как нельзя более подходила для должности завуча, умея замечательно ладить даже с самыми конфликтными преподавателями. К тому же Зеленина отлично вела свой предмет, русский и литературу, и студенты любили ее уроки. Анне вдруг захотелось обсудить с Зелениной Клюева.

– Вы в курсе про нового завхоза? – спросила она.

Инна Михайловна сделала рукой неопределенный жест:

– Слышала что-то такое. А что, он уже приступил к работе?

– Да. Я его только что видела.

– И как он вам?

– Красавчик. – Анна снова улыбнулась.

Лицо Клюева стояло у нее перед глазами.

– О! – Инна Михайловна заговорщицки подмигнула. – Я гляжу, он вам понравился.

Зеленина смотрела на Анну с улыбкой, толстые стекла очков делали ее лицо добрым и немного беспомощным.

– Постойте, дайте угадаю. – Она подошла поближе к Анне и задушевно произнесла ей на ухо: – Высокий, статный брюнет с синими глазами? Так?

– Откуда вы знаете? – изумилась Анна.

Зеленина весело расхохоталась.

– Романы, девочка моя! Много романов о любви. Вы их, наверное, не читаете, а я в свое время увлекалась. Так вот, почти в каждом из них героиня стройная сексапильная блондинка, а герой мужественный брюнет обязательно с синими глазами.

Анне стало смешно и немного неловко. Похоже, она выглядит дурой почище Светки и Зеленина это заметила.

– Я пойду, – проговорила она чуть более холодноватым тоном, – а то пара скоро закончится, а тетради так и не проверены.

– Конечно, дорогая, идите. – Инна Михайловна снова улыбнулась теплой, обезоруживающей улыбкой. – И удачной вам примерки!

3

Как всегда, закончить вовремя у Анны не получилось. Кто-то пришел позаниматься дополнительно, кому-то нужно было закрыть старые долги. Плюс заполнение журнала и прочие «прелести» педагогического труда. Из кабинета она вышла только в начале шестого, вместо положенных по расписанию четырех часов. Светка, которую заставить переработать хоть на минуту было еще сложнее, чем принудить сестр на диету, давно умотала, позабыв про страстное желание обсудить нового завхоза.

– Анна Анатольевна, тут вас спрашивают, – сообщил охранник, когда она поравнялась с вахтой.

– Кто спрашивает? – удивилась Анна.

Николай Саныч кивнул на стоящего по ту сторону турникета высокого и полного мужчину в длинном кожаном пальто.

– Здравствуйте, – незнакомец улыбнулся, показывая золотые зубы.

– Добрый день. Вы кто?

– Я отец Оленьки Жарко.

Этого еще не хватало. Ольга Жарко училась на втором курсе, по алгебре у нее еще с летней сессии были хвосты, сдавать которые она явно не спешила. Буквально вчера Анна пыталась вытянуть из нее хоть какие-то знания, но тщетно: Ольга смотрела на преподавателя стеклянными глазами, переминала челюстями жвачку и при слове «многочлен» начинала глупо хихикать.

– Что вы хотели? – сухо спросила Анна.

– Я прослышал, что у Олюшки проблемы с математикой.

Анна кивнула:

– Еще какие. Она просто не учит мой предмет.

– Как не учит? – изумился золотозубый Жарко-старший.

– Да так. Сидит в классе и ничего не делает. Я уж молчу про домашние задания. У нее выйдет двойка.

– Постойте, постойте, – мужик помахал в воздухе огромной волосатой пятерней, на безымянном пальце которой красовался здоровенный перстень-печатка, разумеется, золотой, – как двойка?

– Да вот так. – Анна наконец поставила подпись в журнале и достала из сумки пропуск. – Я предлагала ей подойти ко мне после занятий. Сегодня уже поздно, а начиная с завтрашнего дня – пожалуйста.

– Нет, вы подождите, – вдруг совершенно хамским тоном заявил Жарко-старший, – вы мне ответьте: что, вы считаете, Олюшке нужно позаниматься дополнительно?

Анну он начинал бесить. И это дорогущее, но жутко безвкусное пальто, и аляповатый перстень, и сосисочные пальцы, покрытые черными волосами, а главное – идиотское «Олюшка», «Оленька», как будто он не в колледж пришел, а в ясли.

– Я не уверена, что это поможет – ваша Оля совсем не хочет думать. Но попробовать можно. Я всегда занимаюсь с отстающими.

– Моя дочь не должна быть в отстающих, – папаша Жарко грозно надвинулся на турникет, не давая Анне выйти.

– Я вас попрошу отойти, – резко сказала Анна, – вы мешаете.

– Да, мужчина, посторонним вход за турникет запрещен, – поддержал ее Николай Саныч.

– Не вам меня учить, – рявкнул Жарко. И снова обратился к Анне: – Послушайте, девушка...

– Анна Анатольевна! – Анна готова была вцепиться в его потную мясистую физиономию.

– Анна. Да, Анна. Для Анатольевны еще молода, – Жарко усмехнулся. – Так вот. Приглашаю вас ко мне домой.

– Спасибо, – колко поблагодарила Анна, которой наконец удалось протиснуться между ним и турникетом.

– Не язви, – гаркнул мужик.

Тут только Анна поняла, что он изрядно пьян. От него пахло перегаром, глаза были мутные, лицо блестящее и багровое. Странно, почему Николай Саныч не вызовет полицию.

– Позвольте пройти, – Анна двинулась прямо на мужика, но весовые категории были неравны. Она уперлась ему в грудь, точно в кирпичную стену.

– Погодь, солнышко, – неожиданно смягчившись, доверительно произнес Жарко. – Я ж тебя за делом зову. С Олюшкой позаниматься. Я заплачу. Не обижу, не боись, купишь себе цацки всякие, а то небось у тебя только одно это пальтишко и есть.

– Николай Саныч, – не выдержала Анна, – что вы стоите? Вызовите полицию.

– Полицию! Ха! – мужик громко загоготал. – Вся полиция у меня знаешь где? Вот здесь. – Он извлек из нагрудного кармана толстый бумажник и раскрыл его перед Анной. Бумажник был до отказа набит купюрами.

«Может, он бандит, а мы тут с ним беседуем?» – промелькнуло у Анны в голове. Она снова в растерянности глянула на охранника.

– Да ты не зырь, – усмехнулся Жарко, перехватив ее взгляд. – Никто меня отсюда не выгонит и в полицию не сдаст. Я спонсор вашей конторы, слыхала такое слово?

Анне наконец стало все ясно. Очевидно, отец Жарко являлся одним из тех, кто в прошлом году перевел на счет колледжа огромную сумму.

– Я не буду ходить к вам домой, – решительно сказала Анна, – и, кроме того, вы пьяны. Приходить в учебное заведение в таком виде – верх безобразия. А с Олей я готова позаниматься безвозмездно в рамках учебного времени.

– Да погоди ж ты. – Жарко сделал попытку ухватить Анну за лацкан пальто, но она ловко увернулась и выскочила на улицу.

Там она перевела дух, с удовольствием вдыхая свежий осенний воздух. Скоро все это золотое великолепие окончится, зарядят дожди, начнется холод и слякоть. А пока можно забрать Олесю из сада пораньше и погулять с ней в парке. Анна подошла к «Шкоде» и уже достала из сумочки ключи, как вдруг остановилась. Лицо ее помрачнело. Правое переднее колесо буквально лежало на асфальте.

– Вот гады, – тихо выругалась Анна и присела на корточки перед машиной.

Такое уже случалось, кто-то периодически прокалывал колеса сотрудникам колледжа. Отыскать засранца было невозможно: то ли это кто-то из студентов мстил за очередной неуд, то ли сие варварство было делом рук местной шпаны, которая обосновалась поблизости от колледжа на пустыре за гаражами.

«Парк отменяется», – с грустью подумала Анна, представляя, сколько потратит драгоценного времени на откручивание колеса, установку запаски и поездку в шиномонтаж. Темнеет сейчас рано, к тому моменту, как она закончит, будет не до прогулок. «Ну, не судьба», – успокоила она себя, открыла багажник и вытащила домкрат.

– Авария? – раздался рядом знакомый уже густой баритон.

Анна подняла голову – перед ней стоял Ключев. На нем была модная темно-синяя куртка спортивного покроя, на плече висела явно не дешевая фирменная кожаная сумка.

– На гвоздь наехали? – Ключев выразительно глянул на распластанную по асфальту резину.

– Если бы на гвоздь! Это местные вредители.

– Ясно. – Ключев аккуратно снял с плеча сумку и протянул Анне: – Держите! Смену колеса всегда лучше доверить мужчине. А домкрат давайте мне. Мне он больше подойдет.

Анна стояла в сторонке и наблюдала за тем, как Ключев возится с колесом. Собственно возней это назвать было нельзя, банальный и неизбежный в жизни каждого автомобилиста процесс в исполнении Ключева превратился в некое священнодействие. Все его движения были настолько ловки и точны, что казалось, будто он не прикладывает ни малейших усилий. Он даже перчатки не надел и куртку свою пижонскую не снял – словно был уверен, что не запахнет. Пять минут – и запаска установлена, а спущенное колесо уложено в багажник вместе с домкратом. Ключев жестом фокусника извлек из кармана куртки пачку влажных салфеток, протер едва загрязненные ладони и небрежным движением выкинул салфетку в урну. После чего подошел к Анне и взял свою сумку.

– Вот и все. – Он улыбнулся, глядя на ее лицо, на котором проступала вся гамма чувств от изумления до восхищения.

– Класс! – сказала Анна. – Я бы возилась гораздо дольше. А у вас золотые руки.

– Что есть, то есть, – согласился Ключев, – это у меня с детства. Хлебом не корми было, дай с железками повозиться. Вечно в школе торчал в кабинете труда и чинил все подряд.

– Спасибо. – Анне нравилось смотреть на его лицо, открытое, мужественное, без единого изъяна, будто компьютером смоделированное. Бывают такие киногерои, сошедшие к простым смертным в их грешный и примитивный мир. Оба вдруг почувствовали, что пауза затянулась.

– Вы куда сейчас? – спросил Ключев.

– На шиномонтаж, разумеется.

– Хотите, съезжу с вами?

Анна призналась себе, что ждала этих слов. Что ж, пускай. Возможно, с его помощью они с Олесей еще успеют в парк. Она решительно кивнула и залезла в машину. Ключев уселся рядом.

– Давно за рулем? – спросил он, рассматривая крохотный, но уютный салон «Шкоды».

– Три года. С тех пор как стала здесь работать. – Анна включила зажигание, и машина выехала с парковки на улицу.

Несколько минут они ехали молча, Ключев нарочито внимательно смотрел в окно, изредка бросая мимолетный взгляд на Анну.

– Хорошая лошадка, – наконец похвалил он «Шкоду», – и рулите неплохо.

– Спасибо, я в курсе, – Анна усмехнулась. – А ваша лошадка где? Ведь есть же?

– Есть, – Ключев кивнул. – Скорей не лошадка, а конь. В гараже стоит возле дома.

– Почему же вы на нем не приехали?

– А смысл? Я живу почти рядом с колледжем. Пять минут ходу.

– Вот оно что... – она понимающе кивнула. – И давно?

– Давно что?

– Давно живете в этом районе?

– Да нет, не так давно. Если честно, всего неделю. Купил летом квартиру в Москве и вот переехал.

– Так вы нэмэстный? – Анна весело засмеялась и повернула во двор к сервису.

– Я военный, – серьезно ответил Ключев, – бывший военный. По свету меня поносило порядочно. А родом я из маленького городка на Оке, вы о таком, поди, и не слыхали.

– Мой дед был военным, – сказала Анна, – подполковником. А вы в каком чине?

– Я закончил служить капитаном. Но это было давно. Десять лет назад.

– Десять? И что же вы делали все это время?

– Строил свой бизнес в Ростове.

– Какой, если не секрет?

– Не секрет. Но это вряд ли будет интересно. Технические приборы, необходимые в цехах.

Анна кивнула со знанием дела, хотя понятия не имела, о чем идет речь.

– Я только одного не пойму, на что вам сдался наш колледж?

– Я же говорил – с детства люблю чинить и ремонтировать. Это моя сущность. Бизнес – это одно, а тут как хобби.

«Шкода» остановилась. Ключев вышел первым и распахнул перед Анной дверцу.

– У меня такое предложение, – тон его был спокойным и уверенным, – вы сейчас идете туда, – он махнул рукой в сторону небольшой кафешки, примостившейся под боком сервиса, – садитесь за столик, берете кофе и отдыхаете. А я занимаюсь машиной.

– Ну зачем же, я вовсе не устала, – попыталась возразить Анна, – да и что я там буду одна делать, в этой забегаловке?

– Я же не предлагаю вам там ужинать, – Ключев деликатным, но твердым жестом взял ее за плечо. – Просто посидеть и попить горячий кофе, вместо того чтобы торчать у ангара и нюхать пары бензина.

При слове «ужинать» Анна невольно сглотнула слюну. Она так и не успела пообедать, и в желудке ее было пусто, если не считать яблока и чашки кофе между парами. Ключев и это уловил.

– Идите, Анна. Вот вам деньги, купите хоть пирожок какой-нибудь к кофе. А потом мы подумаем о заведении поприличнее. – Он достал из кармана куртки пятисотрублевую бумажку и протянул ее Анне.

– Бред какой-то, – пробормотала та, – как будто у меня денег нет. Да я и не ем пирожки...

Однако Ключев уже не слушал ее, переключившись на подошедшего механика. Анна пожалала плечами и пошла в кафе. Там было пусто, лишь за одним столиком пили пиво трое южных парней в кожанках. За стойкой стояла полная пожилая азербайджанка в цветастой шали и с длинными блестящими серьгами в ушах. Парни с интересом уставились на Анну, а официантка приветливо произнесла:

– Добрый вечер! Что желаете?

Анна попросила капучино и маленькую шоколадку. Барменша долго отсчитывала остаток сдачи десятирублевыми монетами, качая серьгами и тихо бормоча. Анна взяла картонный стаканчик и села у окна. Через стекло ей были видны «Шкода» и стоящий рядом с ней Ключев. Колесо уже сняли и отнесли на вулканизацию. Ключев и молодой парень-автомеханик о чем-то оживленно разговаривали. Парень обошел машину, нагнулся, что-то разглядывая под днищем, несколько раз стукнул ботинком по другим колесам. И снова подошел к Ключеву.

– Машину чинить приехали? – спросила азербайджанка.

– Да. Колесо спустило.

– Тут хорошие мастера, – сказала женщина, – все сделают. И дорого не возьмут. Это сервис моего сына.

Анна кивнула и продолжала пить кофе, оказавшийся на удивление недурственным.

За окном стремительно темнело. Она увидела, как механик принес колесо и поставил его на место запаски. «Надо же с ним расплатиться», – спохватилась Анна. Она вышла на улицу. Ключев уже отсчитал парню деньги и, судя по довольному лицу последнего, явно не пожадничал. Анна подошла к машине.

– Сколько я вам должна?

– Думаю, нисколько. – Ключев спрятал бумажник.

– Нет, так не пойдет, – твердо проговорила Анна. – Мы с вами знакомы несколько часов.

– Разве это что-то меняет? – удивился Ключев.

– Определенно меняет. Меня не нужно спонсировать, я вполне платежеспособна.

– Анна! – Ключев смотрел на нее насмешливо, но с теплотой в глазах. – Можно без отчества? Я ведь прилично старше вас.

Она растерянно кивнула.

– Так вот, милая девушка Анна! Что ж вы такая гордая и заносчивая? Не зря вас на работе прозвали Акулой! Да, да, я уже в курсе. Я же ничего от вас не требую взамен и даже не прошу. Просто захотелось помочь. А вы сразу «спонсировать», «платежеспособная». Фи.

Анна слушала его приятный голос, смотрела на четкий, чеканный профиль в свете фонаря и чувствовала, что слабеет. С тех пор как умерли родители, она не позволяла себе быть слабой. Держала себя в кулаке, старалась не плакать, не жаловаться, даже если было очень плохо и больно. И когда любимый оказался предателем и они с Олесей остались одни-одиношеньки, даже тогда Анна не проронила ни слезинки, хотя ей хотелось выть в голос. Но сейчас она почувствовала, как глаза наполняются горячей влагой. Это было мучительно стыдно и одновременно невероятно сладостно. Анна надеялась, что темнота помешает Ключеву разглядеть ее слезы, однако спорить с ним ей совершенно расхотелось. Вместо этого хотелось взъерошить его аккуратно зачесанные красивые блестящие волосы. А еще провести ладонью по его небритой щеке. Анне показалось, что она даже ощущает покалывание щетины на кончиках пальцев...

– Садитесь, – просто сказал Ключев, – поедem ужинать.

– А сколько времени? – Анна точно вышла из сладкого оцепенения и с тревогой достала телефон. Вспыхнувший экран показывал четверть седьмого. Значит, прошел целый час, как они уехали из колледжа! А ей показалось, от силы двадцать минут. – Дмитрий, простите меня, – как можно мягче произнесла Анна. – Я вам очень признательна за помощь. И за приглашение. Но... я не могу. Правда...

Он смотрел на нее, и она явственно видела огорчение на его лице.

– Не можете почему? Спешите куда-то? Кто-то вас ждет?

– Да.

...Все равно надо сказать. Это ее жизнь, она не будет другой. Лучше сразу, зачем тянуть, скрывать.... Анна подняла голову, глаза ее волшебным образом высохли.

– Да, меня ждет дочь. Она в саду, и мне нужно ее забрать.

– Дочь? – в голосе Ключева слышались удивление и напряженность одновременно. – У вас есть дочь?

– Да. Ей пять. Зовут Олеся.

– Но... мужа ведь у вас нет? – Ключев смотрел на Анну с надеждой. Она вдруг подумала, что хоть он красавец, и лет ему не меньше 35, и деньги у него водятся, но выглядит он сейчас как мальчишка. Обыкновенный влюбленный в нее мальчишка.

– Мужа нет, – она улыбнулась, – иначе бы он уже давно приехал и поменял это чертовое колесо.

Они рассмеялись почти одновременно, оба чувствуя, как отпускает жуткое напряжение и на душе становится легко и ясно. Они хохотали в голос и не могли остановиться. Первым справился с собой Ключев:

– Сколько у нас есть времени?

– Нисколько. Я и так всегда забираю ее последней.

– Ну хоть час?

– Полчаса максимум.

Он помолчал, прикидывая что-то в уме, лицо его сделалось сосредоточенным.

– Засекайте. Время пошло. – Он распахнул перед Анной дверцу машины. – Прошу за руль, госпожа водительница!

Анна, смеясь, повиновалась. Вспыхнули фары, «Шкода» медленно поползла по дорожке мимо ангаров. Ключев внимательно изучал что-то в телефоне.

– Куда мы едем? – спросила Анна.

– Вот сюда, – он показал ей экран с отмеченным на нем маршрутом. – Тут езды пять-семь минут. Это отличный сетевой ресторанчик, поесть мы не успеем, но закажем домой все, что вы захотите.

– Домой? – Анна посмотрела на Ключева с удивлением. Он снова рассмеялся.

– Вы неверно поняли. Я вовсе не напрашиваюсь к вам в гости. И прекрасно понимаю, что вы не готовы к тому, чтобы представить меня своей дочери. Во всяком случае, не сегодня. Еду вы отвезете к себе и вместо того, чтобы стоять у плиты, сможете посвятить вечер вашей Олесе. Я не ошибся, ее зовут Олесь?

– Не ошиблись. – Анна, пользуясь тем, что они стоят на светофоре, все-таки осуществила свое желание – оторвала руку от руля и провела по волосам Дмитрия. Они оказались неожиданно мягкими, почти шелковыми. – Дима, спасибо вам за все.

– Тебе, – поправил он, блаженно улыбаясь, – не вам, а тебе. Хотя мы и не пили на брудершафт, но надеюсь, очень скоро это сделаем. Я прав? – Ключев поймал ладонь Анны и поднес к своим губам. – Потом, все потом. А сейчас следи за дорогой.

4

Дрон уже битый час торчал на задворках колледжа. Настроение у него было хуже некуда, домой идти не хотелось. Хотелось надраться и ни о чем не думать, но вот беда: денег у Дрона было тоже раз, два и обчелся. Накануне он купил с рук телефон и теперь был без копейки. От злости и бессилия Сашка слонялся туда-сюда по парковке, с которой недавно уехали Анна и Клюев. Он видел их, наблюдал, как Клюев помог Анне поменять запаску, как они стояли и мило беседовали. А потом сели в машину и отчалили. Ну надо же быть таким идиотом, чтобы собственными руками все подстроить для соперника! И откуда только взялся этот смазливый упакованный козел, как из-под земли вынырнул?

Дрон долго разрабатывал план: как он проколет Анне колесо, сам потом вызовется помочь, предложит ей свозить машину на сервис к Козюле, Дронову корешу. А тот все делает якобы бесплатно, а на самом деле Дрон ему потом отработает все, еще и с процентами. Осуществить этот блистательный план оказалось не так-то просто: то погода была мерзопакостная, менять колеса в грязи под проливным дождем Дрону не хотелось, не до романтики будет. То Анна машину чинила и приезжала в колледж на такси. То Козюля вдруг заартачился и отказался Дрону подыгрывать. В общем, много всяких подводных камней встретилось на пути исполнения Дроновой мечты. А мечта была нежной и розовой, как фруктовый зефир: сделать так, чтобы эта высокомерная и неприступная гордячка Акула наконец его заметила. Чтобы увидела в нем настоящего мужика, умелого, делового, а не надоедливую мальчишку с тощей шеей и остатками подростковых прыщей. Эх, теперь все пошло кувырком.

Перед глазами Дрона все стояла картина: расстроенная Анна в коротком белом пальто, на офигенных каблучках, с домкратом в руках, и услужливый незнакомец, глядящий на нее, точно кот на сметану. Небось сидят сейчас где-нибудь в ресторане, ужинают, пьют вино, и этот недоумок потихоньку гладит Анины наманикюренные пальчики и мечтает о том, как поедет к ней домой... При мысли об этом у Дрона аж в глазах потемнело. Нет, хватит, надо взять себя в руки – над ним и так уже все в колледже смеются. «Что, Дронич, не по зубам тебе Акула-каракула? Смотри, скоро сама тебя проглотит, у нее ж зубы о-го-го». Но что он может сделать? Разве сердцу прикажешь? Вон сколько девчонок симпатичных на одном только их курсе – взять хотя бы Катьку Петухову: и фигурка, и личико, все высший класс. И Дрон ей нравится еще со второго курса. Она наверняка согласилась бы с ним встречаться. И не она одна. Но не нужны Сашке Дронову однокурсницы, хоть убей, не нужны. Сохнет он по Анне Анатольевне уже третий год, как только увидел ее, так погиб. Эти холодные синие глаза, гладкие волосы надо лбом, высокие скулы, которые, когда Анна злится, заливают нежный румянец. И голос – ровный и мелодичный, от которого теплеет внутри. Сколько раз Сашке снились это лицо и голос. Кажется, закрой он глаза, и все равно сможет мысленно нарисовать каждую черточку, каждый штришок и изгиб. Скверно все это, потому что шансов у него нет. Совершенно никаких шансов. Анна на него и не смотрит, а если и обратит внимание, то только чтобы выругать или высмеять. Ясно ежу, бесит ее Сашка со своими неумелыми ухаживаниями и уже окончательно достал. А он гибнет от своей безответной любви, как «Титаник» во льдах. Съехал по учебе на одни тройки, стал дерзким и колючим, а ведь на первом курсе был добряком и душой компании. Дома с матерью бесконечные ссоры. Знает Сашка, что мать права: папашка свалил к молоденькой, денег дает мало, матери приходится крутиться на двух работах. А она еще нестарая, красивая, ей мужика хочется, чтобы ухаживал, замуж взял. Ирка, сеструха, совсем ребенок, в четвертом классе. Кому ж помогать по дому, по хозяйству, как не Сашке? А он, как во сне, слоняется по квартире или уйдет на целый день, а возвращается за полночь. Правда, весь последний год он подрабатывал в сервисе у Козюли, приносил домой кое-какие деньжата, но большую часть их тратил на себя же. А уж насчет того, чтобы убраться, полы там помыть или

посуду – тут Дрон вообще полный ноль. Вот мать и обижается, ругается с ним. Еще ее, конечно, доводят его оценки. Диплом нужно писать, а у него хвостов куча за прошлый год. Преподы звонят, жалуются. А что толку жаловаться, когда Дрон уже совершеннолетний и ростом метр девяносто. Как говорится, поздно пить боржоми.

В кармане у Дрона затрещал телефон. Звонила мать. Он поколебался, борясь с искушением не отвечать, но все-таки принял вызов.

– Ты где? – с ходу наехала она. – Ты мне утром когда обещал быть?

– Не помню, – процедил Дрон.

На самом деле он отлично помнил, что мать просила его в половине седьмого быть дома. Ирка в очередной раз валялась с ОРВИ, а мать не хотела брать больничный. Сегодня она работала до ночи, и Сашка должен был накормить температурившую Ирку ужином и проследить, чтобы она выпила лекарства.

– Совести у тебя нет, Саш! Ребенок больной целый день один. Я ей позвонила, у нее тридцать восемь и шесть! Ничего не ела с утра. Где ты шляешься, черт тебя побрал?

Голос матери задрожал и сорвался. Дрону стало стыдно. Он подавленно молчал. В трубке слышались всхлипывания.

– Ма, ну чего ты? Иду я, сейчас буду. Из-за этого реветь?

– Не из-за этого, – хрипло проговорила мать.

– Что еще случилось?

– Зуб сломался, Саня, передний. Раскрошился начисто. Я теперь как баба-Яга.

Сашка сочувственно вздохнул. Зубы у них – это семейное.

– Имплант надо ставить, – печально проговорила мать, – а денег нет. Отец обещал дать, но не смог. Сказал, им с Лизой надо путевки в Таиланд выкупать...

Лизка была новая отцовская жена, чуть старше Сашки, а понтов выше крыши. То ей в Таиланд, то на Канары, то брюлики, то еще что. Сашке стало жаль мать. Он был в курсе, почему она так убивается из-за зуба – к ним в кафе пришел новый менеджер, симпатичный дядька со смешной фамилией Котенкин. Матери он очень понравился, она ему тоже. Что ж она теперь, без зубов должна щеголять перед своим кавалером?

– Послушай, не плачь, – сказал Сашка после небольшого раздумья. – Я достану деньги. Сколько нужно?

– Где это ты их достанешь? – недоверчиво спросила мать.

– Не важно. Не твои проблемы.

– Сорок, – неуверенно проговорила она. – Эй, стой, подожди...

Но Дрон уже отключился. Он вышел за ограду и быстро зашагал в сторону пустыря, где держал свой подпольный сервис Генка Козюлин, или попросту Козюля. Козюле было лет 27–30, в юности ему «посчастливилось» побывать на зоне за мелкое хулиганство. Это был низкорослый коренастый крепыш с квадратными, мясистыми, всегда запачканными машинным маслом ладонями, с большим красным носом-картошкой, в котором он любил ковырять коротким толстым пальцем, наводя на мысль о том, что кличка Козюля произошла не только от фамилии. Генкиному «автобизнесу» было уже лет пять. Сам он здорово шарил в автомеханике и на раз ремонтировал старые, дешевые иномарки и отечественные «четверки» и «девятки». Его клиентами были в основном местные таджики и пацанва, только начинающая водить, прикупившая себе копеечные тачки, которые ломались на каждом шагу. Работал Козюля в старом гараже, доставшемся ему от отца. Постепенно расширяясь, он прикупил у местных алкашей еще два соседних гаража и стал нанимать малолеток, у которых руки росли откуда надо. Платил пацанам Козюля сущие копейки, иногда и вовсе не платил, потому что большинство из них были ему вечно должны. Генка помимо авторемонта промышлял ростовщицеством, ссужал периодически подросткам некие суммы, требуя потом возвращения с процентами. Про его грабительские условия все было в курсе, но больше достать бабки было неоткуда, а Генка

всегда был на месте в своем гараже, и в карманах его всегда лежали купюры самого разного достоинства.

Козюля встретил Дрона весьма недружелюбно.

– А, Каланча! – Каланчой Сашку на пустыре прозвали за высокий рост. – Сколько можно тебя ждать? Где телка твоя с колесами? – он с недовольным видом протянул Дрону руку. Тот пожал потную и сальную Козюлину ладонь.

– Привет, Ген. Не будет колес, не получилось. Проехали.

– Ну ты даешь, Каланча! – Генка грязно выругался и замахнулся было дать Сашке оплеуху, но передумал. – Предупредить не мог? Торчу здесь из-за него, всю задницу просидел!

– Прости, Геныч, – виновато произнес Дрон.

– Так и быть, на первый раз, – смягчился Козюля. – Чего тогда пожаловал? От меня чего надо, бабосов?

Сашка кивнул. Генка деловито сплюнул под ноги.

– Сколько?

– Сорокез.

Козюля удивленно свистнул.

– А не слипнется у тебя, малой?

– Я не малой, – буркнул Дрон, – не слипнется. Нужно мне.

– А отдавать как будешь. Когда?

Сашка прикинул, что если месяца три поработать на Козюлин сервис по мелким заказам, то, наверное, можно будет рассчитаться. Пока он раздумывал, Козюля решительно произнес:

– Дам до января. Вернешь полтос.

– Да ты че, Геныч? – возмутился Дрон. – До января два месяца всего. И почему полтос? Я думал 45.

– Индюк тоже думал, – мрачно изрек Козюля, – могу и не давать. Не нравится, иди в Сбербанк. – Он заржал.

«Упырь! – со злостью подумал Сашка. – Язва на теле рабочего класса».

– Ладно, я согласен, – сказал он Козюле.

– Лады. – Тот достал из засаленного ватника разноцветную пачку денег, долго пересчитывал и протянул Сашке: – На, все что есть. Ровно сорок. С завтра ты у меня на подхвате. Как раз тачку пригонят бампер менять. Тебе отдам.

– Окей. – Дрон осторожно взял у Козюли деньги. – Спасибо, Ген, выручил.

– На здоровье, Каланча. А бабу свою привози, интересно взглянуть на нее – что за телка у тебя с тачкой.

Дрон кивнул неопределенно и зашагал с пустыря. Немного отойдя, он набрал материн номер.

– Да! – шепеляво ответила та.

– Звони стоматологу, пусть записывает тебя на завтра.

– Ты что, достал деньги? – голос матери задрожал от радости. Дрон молчал, довольный. – Не может быть! Сашка, ты врешь небось. Где взял?

– Где взял, там уже нет, – грубо ответил Дрон.

– Ты это... – мать замялась. – К отцу ездил, что ль?

– Вот еще! – рассердился Сашка. – Даже не думай. Отец тут ни при чем. Стал бы я у него просить!

– А где тогда? – вдруг завокнулась мать.

– В долг взял, – отрезал Сашка.

– В долг?

– Да, в долг. Отработаю потом. Ты звони врачу. Я деньги попозже принесу. А сейчас пока.

– Как пока? – заклокотала трубка. – Стой! Не смей! – Но Сашка уже спрятал телефон в карман.

Ему вдруг стало отчаянно весело. Так бывает, когда ввязываешься в рисковое и заведомо провальное дело. Знаешь, что отступить уже нельзя, впереди ничего хорошего. Но почему-то не страшно и даже не грустно. Просто пусто и холодно на душе. Как будто стоишь на ветру, продуваемый со всех сторон.

Ветер на самом деле дул, погода еще вчера вечером испортилась, небо затянуло тучами, деревья гнулись и качались, расставаясь с последней листвой. Дрон затянул молнию под самое горло, надвинул на глаза капюшон и пошел себе наугад, куда ноги повели. Он слонялся долго, просто ходил по улицам, сначала знакомым, а потом чужим, на которых раньше не бывал. Ему казалось, если он остановится, то ощущение свободы и пустоты сразу исчезнет. Руки его без перчаток замерзли, желудок стало сводить от голода. Но Дрон все шел вперед, словно желая убежать от самого себя, от своей глупой, безнадежной любви, от горькой и бестолковой жизни своей в восемнадцать лет от роду...

Наконец он понял, что жутко устал. Если не поест и не согреется, то просто упадет. Вдобавок ко всему пошел мелкий противный дождик. Дрон огляделся по сторонам, подыскивая место для перекуса. Он надеялся увидеть поблизости «Макдак» или KFC. Но ничего такого рядом не обнаружилось. Зато впереди, метрах в двадцати, светилась вывеска «Евроспар». Это было ничуть не хуже «Макдоналдса». Сашка поднажал и почти вбежал в огромный павильон. Быстро пройдя вдоль рядов со всевозможными товарами и продуктами, он очутился в кафетерии. Внушительный кусок горячей пиццы «четыре сыра» и стакан крепкого чая навели его на мысль о том, что в жизни есть еще радости, помимо любви. Оголодавший Дрон в момент проглотил пиццу. Пришлось купить добавки. Наевшись и напившись до отвала, он решил, что можно отправляться домой. По телу разливалась приятная сонливость, лицо горело от долгого блуждания на ветру. Сашка зевнул, двинулся было к выходу и тут заметил знакомую фигуру: прямо перед ним стояла Зеленина. В руках ее был запакованный в пленку большой арбуз.

– Здравствуй, Инна Михайловна, – поздоровался Дрон.

– Здравствуй, Саша, – Зеленина приветливо улыбнулась. – Что ты тут делаешь, ты же живешь далеко отсюда?

Дрон неопределенно пожал плечами:

– Гулял.

– Понятно, – Инна Михайловна кивнула, – гулять – это, конечно, хорошо, полезно для здоровья. Но помнишь ли ты, что у нас завтра опрос по литературе? Ты готовился?

– Еще нет. Сейчас приду домой и буду готовиться, – не моргнув глазом соврал Дрон. Он и не собирался готовиться ни к какому опросу, но и расстраивать учительницу ему тоже не хотелось. Арбуз явно был великоват для ее хрупкой комплекции.

– Давайте помогу, – предложил Сашка.

– Спасибо. – Зеленина с готовностью рассталась со своей ношей и пошевелила затекшими пальцами.

– Зачем вам арбуз, Инна Михайловна? – поинтересовался Дрон. – Сейчас уже не время для них. Надо было в августе покупать.

– Для меня всегда время, – засмеялась Зеленина, – дело в том, что я просто обожаю арбузы. Вот только носить их тяжеловато.

– Еще бы! – Сашка подбросил на руке арбуз. – Этот кило на десять тянет. Как бы вы его перли, не пойму?

– Сама не знаю, – Инна Михайловна развела руками. – Надеюсь на счастливый случай, вдруг поможет кто.

– Вот он, ваш счастливый случай. – Дрон ткнул себя кулаком в грудь и решительно зашагал к выходу.

Зеленина засеменила за ним. Сашка решил, что проводит Инну Михайловну до дому, заодно и перед матерью оправдается: та не будет ругать его за то, что он помог завучихе. Дождь на улице усилился. Зеленина взяла Сашку под руку и раскрыла у них над головами зонтик.

– Как жалко уходящую осень, – проговорила она грустно и слегка нараспев, словно стихи читала, – я ужасно не люблю ноябрь – темно, грязно, холодно, снега настоящего еще нет, тоска.

– Тоска, – согласился Сашка, думая скорее о своем, а не о том, о чем говорила Зеленина.

– А я вот не могу взять в толк, ты ведь хороший парень. И не глупый. – Она поглядела на его лицо. Сашка смутился, но виду не подал. – Не глупый, – повторила Инна Михайловна, – а так скверно учишься. Скоро предзащита диплома, а ты совсем не готов. Научный руководитель на тебя жаловался. И столько хвостов у тебя! Отчего так, Саша?

Дрон пожал плечами. Другой училке он, возможно, нахамил бы, но Зеленину Дрон уважал. Когда-то на первом курсе он ходил к ней в драмкружок, и ему там очень нравилось. Инна была выдержанной, не имела любимчиков, каждому старалась дать роль, никогда не ругалась и не повышала голос. Сашке было немного жаль ее – одинокая, ни мужа, ни детей. Видно, что в молодости красотой не блистала. Небось и не было у нее мужика, то-то она все про любовь пьесы норовила ставить, чтобы хоть на книжное счастье полюбоваться...

– Что молчишь? – мягко проговорила Инна Михайловна. – Стыдно небось?

– Стыдно, – Сашка кивнул и поудобней обхватил арбуз.

– Ой, ты устал, наверное? – спохватилась она. – Прости, пожалуйста. А мы пришли. Вот мой дом, – Зеленина махнула рукой в сторону кирпичной четырнадцатietàжки. – Зайдешь?

– Зайду. Вы одна не дотащите даже в лифте.

Зеленина нажала кнопки домофона и распахнула перед Сашкой дверь подъезда. Ее квартира оказалась небольшой, очень уютной и со вкусом обставленной двушкой. Несмотря на царившие в ней идеальные порядок и чистоту, Зеленина велела Сашке не разуваться. Он отнес арбуз на стол в кухню и хотел было уходить, но она решительно загродила ему дорогу:

– Куда это? Нет, мы сейчас будем чай пить. И есть этот самый арбуз, будь он неладен.

Они пили чай с конфетами и вафлями, ели арбуз, который оказался неожиданно сладким, почти сахарным, и говорили о какой-то ерунде. Зеленина больше не стыдила Сашку, она рассказывала разные забавные случаи из своей жизни. Дрон с удовольствием слушал и ел арбуз, пока не позвонила мать.

– Саня, – голос ее звучал непривычно мягко. С тех пор как ушел отец, она вечно срывалась на крик. – Ты где? Я записалась на завтра к протезисту. Ты точно деньги принесешь?

– Точно. – Сашка покосился на Зеленину. Ему не хотелось посвящать ее в курс семейных проблем.

– А ты скоро придешь? – все так же мягко спросила мать. – Поздно уже...

– Скоро.

– Это мама? – догадалась Зеленина.

Дрон кивнул и поднялся из-за стола.

– Ладно, я пойду. Спасибо за чай.

– Тебе спасибо, – засуетилась Зеленина, – что бы я без тебя делала.

Уже в дверях, провожая Дрона, она все-таки не удержалась:

– Так ты смотри, готовься к опросу!

– Обязательно, – пообещал Дрон и вприпрыжку, минуя лифт, понесся с седьмого этажа.

5

Ко всему хорошему привыкаешь быстро. Прошло всего пара месяцев, а Анна уже не могла представить себе, как жила раньше без Дмитрия, без его постоянной заботы о ней, без теплого и ласкового «малыш», без нежного взгляда удивительных синих глаз.

Почти каждый день после работы они ужинали вместе в каком-нибудь ресторане, затем Анна ехала за Олесей в садик. В пятницу вечером Анна отвозила дочку к тетке в Бутово и забирала ее лишь к концу воскресенья.

Выходные они с Дмитрием проводили вдвоем – или у нее дома, или у него. У него оказалась чудесная однокомнатная квартирка в новом, только что отстроенном доме, просторной планировки, отделанная по-современному и со вкусом. Анне нравилось в ней хозяйничать, хотя Клюев любил повторять, что женщина должна быть озабочена не бытом, а тем, чтобы следить за собой и нравиться своему мужчине. Она подружилась со Шмелем, огромным черным кавказским овчаром, о котором Дмитрий шутил, что он – единственное, что осталось у него от развалившегося брака. Пес позволял ей себя гладить и чесать, тем самым признавая за свою. Дмитрий тратил на Анну кучу денег: покупал ей дорогую одежду, возил в супермаркет за продуктами, отремонтировал машину – словом, баловал, как мог.

В колледже их роман быстро стал притчей во языцех. Оба были слишком яркими фигурами, чтобы их не замечать и не обсуждать. Анна догадывалась, что недоброжелателей у нее на работе гораздо больше, чем сторонников, но она не могла предположить, что ее личная жизнь вызовет такой бурный интерес и у коллег, и у учеников. Начав встречаться с Клюевым, Анна стала замечать вокруг себя странную суету и возню. Стоило ей появиться в учительской, как все замолкали, начиная преувеличенно внимательно глядеть в телефоны и покашливать. Пару раз, выходя оттуда, она ловила ухом фразы, брошенные ей вслед:

- Ишь, зубастая какая, отхватила себе кусок. Одно слово, Акула!
- Совсем зазналась!
- Много о себе понимает!

Однажды Анна подслушала, как Зеленина беседовала с группой преподавателей в буфете. Те жаловались на Анину якобы заносчивость, на то, что она чересчур строго ставит оценки и игнорирует просьбы тьюторов быть помягче со студентами. Зеленина, к чести ее, пыталась защищать Анну и вскользь упомянула о ее отношениях с Клюевым – мол, это пошло ей на пользу и она стала намного добрей и женственней.

Не отставали от преподавателей и студенты – шушукались и хихикали у нее за спиной, на доске однажды нарисовали большое сердце, пронзенное стрелой. Сердце держала в зубастой пасти акула...

На самом деле Анне было глубоко плевать на все, что о ней говорят. Подробности своей личной жизни она обсуждала лишь со Светкой, и то далеко не все. Клюев иногда по делам своей фирмы мотался в Ростов на сутки-двое. Именно в такие дни, а вернее, в одинокие вечера, Анна с Олесей приходили к Светке в гости, или шли все вместе в бассейн, или сидели в детской кафешке неподалеку от дома. Только со Светкой Анна поделилась своими тайными опасениями: она переживала насчет того, найдут ли Дмитрий и Олеся общий язык.

– Да что ты, – успокоила ее Светка, – даже не думай. Все будет хорошо. Мужик в этом возрасте наверняка мечтает о ребенке. А Олеся у тебя девчонка общительная и компанейская. Так что поладят они, не волнуйся.

Анне очень хотелось, чтобы все было именно так. На ноябрьские праздники они с Дмитрием неожиданно сорвались и слетали на Кипр. Всего на четыре дня. Олеся осталась с теткой. Анна грелась под теплым солнцем, плавала в лазурных водах Средиземного моря, пила местную «коммандарию» и ела краснобокие сочные манго. Последний раз она была на море

в десятом классе, когда еще были живы родители. Цветущая Айя-Напа показалась ей раем. Они арендовали машину и проехали насквозь весь остров, искупались в том месте, где, по древнему преданию, появилась из пены Афродита, поднялись в горы к знаменитому Кикскому монастырю. Перед тем как улетать в Москву, Анна бросила в море монетку и загадала: «В следующий раз мы приедем сюда втроем, как семья...»

6

Быстро пролетел ноябрь, начался декабрь, самый ужасный месяц в году для педагогов. Каждый день у Анны был расписан с утра до вечера: консультации, зачеты, экзамены, дополнительные занятия с отстающими. У Дмитрия тоже дел хватало – конец года, бухгалтерский отчет у предпринимателей. Ему приходилось то и дело мотаться в Ростов по делам фирмы. Вернувшись, он до вечера торчал в своей комнатухе на чердаке, бывшей радиорубке, которую администрация колледжа отдала ему под мастерскую, стараясь привести в порядок и починить все, что только было возможно.

Из-за всего этого они стали видаться значительно реже, у обоих не хватало времени и сил на ежедневные свидания. Анна отчаянно скучала. Если выдавалась свободная минутка, она поднималась по шаткой металлической лестнице к Дмитрию в каптерку. Ей нравилось смотреть, как он работает: без суеты, не спеша, с явным удовольствием и с безграничным терпением. Анна была уверена, что в природе нет такой вещи, которую Дмитрий не смог бы привести в порядок, будь то сломанный стул, неисправный телевизор или безнадежно разбитая антикварная ваза. Его умелым рукам было подвластно все...

Сессия была в разгаре, когда в кабинете Анны появилась Ольга Жарко. С того самого дня, как приходил ее отец, Ольга ни на одном занятии у Анны не была.

– Здравствуй, – довольно вежливо поздоровалась Жарко.

Анна заметила, что на сей раз она без жвачки.

«И то хорошо», – подумала она про себя.

– Здравствуй, Оля. Чем обязана твоему визиту?

– Допсессию хочу сдать. Можно?

– Можно, – Анна кивнула. – Но только не сегодня. Видишь, у меня и так аншлаг. – Она показала на сидевших в классе ребят, каждый из которых корпел над листком с заданием.

– А когда? – послушно спросила Ольга.

– Давай завтра. А лучше послезавтра. Надеюсь, ты подготовилась?

Жарко утвердительно качнула головой.

– Ну и отлично. Жду тебя в пятницу после третьей пары.

– Хорошо. – Ольга снова согласно кивнула и скрылась за дверью.

– Думаете, она что-то вам ответит? – поинтересовался добродушный толстяк, третьекурсник Олег Белянчиков.

– Почему нет? – Анна пожала плечами. Она всегда верила в то, что если человек хочет, то может осилить все что угодно.

– Да она ни черта не делает, кроме как пасьянсы в инете раскладывает, – засмеялся Олег. – На каждой паре и на переменах. Все знают.

– Ну, может быть, она дома занимается, – предположила Анна. – И вообще, нечего о других судачить. Делай лучше свое дело.

Белянчиков хмыкнул и углубился в свой листок. Анна прошла по кабинету и вдруг почувствовала, что ужасно устала. Ей захотелось немедленно выйти вон, подняться к Дмитрию, оторвать его от всех этих светильников и микросхем, поехать в сад, забрать Олесю и улететь. Всем троим, куда-нибудь далеко-далеко, где сейчас тепло, нет снега, а только море, высокие пальмы и белый песок. А может, так и сделать? Дождаться конца сессии и уговорить Дмитрия купить им тур в какой-нибудь Таиланд? Или на Гоа? Там они с Олесей и познакомятся наконец. Мысль показалась Анне такой замечательной, а картинка пляжа так ясно и заманчиво замаячила перед глазами, что она пришла в восторг. Так она и сделает! Сегодня же расскажет Дмитрию о своем плане. Это, конечно, жутко дорого, но ведь он не жалеет на нее денег. Анна едва дождалась конца рабочего дня и полетела к Дмитрию на чердак.

– Хватит уже трудиться, пора отдыхать. – Она ласково обняла его за плечи.

– Тихо, Аня, осторожно. – Он слегка отстранился. – Ты мне сейчас все тут нарушишь.

– Не нарушу. – Она весело засмеялась. – Ну правда, Дим, давай скорей заканчивай. Поедем ужинать. Я жутко голодная. И... мне надо с тобой кое о чем поговорить.

– О чем? – Дмитрий наконец отложил малюсенькую отвертку и повернулся к Анне. Она заметила, что вид у него усталый и какой-то кислый.

– Ну... у меня есть одна идея, интересная, я хочу с тобой поделиться. Но не здесь.

– Ань, вот что, – он взял ее обе руки в свою и слегка сжал. – Я сейчас должен уехать в Ростов.

– Прямо сейчас? – разочарованно проговорила Анна. – И мы даже не поедем кушать?

– Нет, малыш. – Он смотрел на нее с грустью и нежностью. – Сегодня никак. Я вернусь в пятницу. И буду весь в твоём распоряжении. Все выходные.

Он улыбнулся. Улыбка тоже вышла какой-то невеселой и даже вымученной. Анне стало стыдно. Как она разбаловалась: ест в ресторанах, ездит на море, носит дорогие шмотки. А ведь на все это нужны деньги, много денег. Дмитрий их зарабатывает, и, видимо, не так уж легко ему это дается. Мотается за 1000 километров туда-сюда, в колледже работает с утра до вечера. Решает какие-то свои дела, немногословно, чисто по-мужски, не посвящая ее во всю эту кухню. А она не может потерпеть со своим Таиландом пару дней. Анна осторожно высвободила руку и ласково погладила Дмитрия по голове.

– Хорошо, милый. Я готова подождать столько, сколько нужно. Ты, главное, не переутомись, а то выглядишь усталым.

Он кивнул:

– Так и есть. Многовато всего за последние дни. В Ростове проблемы, тут дела. Но... ты не волнуйся, я все улажу. Просто дай мне тайм-аут.

– Конечно. – Анна поцеловала его в губы.

Ей показалось, что Дмитрий какой-то напряженный, от него веяло скованностью и холодком. Однако она тут же осадила себя: хватит этих бабских штучек, сама критиковала Светку за то, что та на своих мужчин вешалась и пыталась контролировать их днем и ночью. Телячьи нежности хороши, но в умеренных дозах.

– Все, я пошла, – нарочито бодро проговорила Анна.

– Пока, малыш, на связи.

Анне, хоть она и хорохорилась весь вечер, было тревожно и тоскливо. Первый раз она видела Дмитрия таким чужим и мрачным.

Назавтра они перезванивались и переписывались. Он был сама любезность, все время говорил, что соскучился и считает минуты до того, как можно будет ехать уже в Москву. Счастливая Анна сделала для себя вывод: иногда лучше расстаться на день-другой, чтобы чувства оставались свежими. Она договорилась с теткой, что привезет ей Олесю на выходные, и принялась готовить шикарный ужин для завтрашней встречи с Дмитрием.

В пятницу день начался как обычно: подъем, побудка Олеси, сборы, садик и, наконец, колледж. Ровно в девять Ключев прислал сообщение, что выехал из Ростова и едет по трассе. Он писал, что к полуночи должен быть в Москве. Анна не удержалась, забежала к Светке и рассказала ей о своем плане.

– Счастливая ты, Анька, – со вздохом проговорила та. – Какой мужик! И верный, и ласковый, и денег куры не клюют.

– Клюют, – с улыбкой сказала Анна, – но в какой-то мере ты права: Дмитрий – мужчина высший класс.

– Господи, пошли мне хоть средний класс! – Светка сложила ладони в шутливом жесте, точно в молитве.

– Всеу свое время, Светик, – утешила ее Анна, – будет и на твоей улице праздник, вот увидишь.

Светка с грустью кивнула.

– Ладно, я пойду, – заторопилась Анна, – а то у меня там в кабинете студенты сидят. Не хочу допоздна с ними торчать, мне еще Олеську к тете Наташе отвозить.

– Давай беги, – согласилась Светка.

В кабинете у Анны который уже день было полно народу. Кто-то пришел позаниматься перед зачетом, кто-то переписать контрольную, кто-то сдать долги. Анна сразу увидела Жарко – та сидела за первой партой, уткнувшись в свой новенький айфон последней модели.

– Ну, вот с тебя и начнем! – Анна ощущала прилив сил. Дмитрий мчится на своем «коне» и уже совсем скоро будет здесь. Они поговорят, все обсудят, наконец поставят точки над «и», и не останется между ними ничего недосказанного и недопонятого.

– Почему с меня? – недовольно проговорила Жарко, не отрываясь от телефона.

– Потому что я так хочу, – твердо сказала Анна. – Убери телефон и достань тетрадь.

– У меня нет тетради. – Голос Ольги снова звучал вызывающе.

– Как нет? Ты же знала, что идешь на пересдачу. Где ты собиралась писать?

– Я думала, вы мне дадите листок.

– Оля, послушай, – Анна старалась говорить спокойно, но ее трясло от бешенства. – Ты же не в детском садике и даже не в школе! Это среднее профессиональное учебное заведение. Я не должна снабжать тебя ни листками, ни ручками, ни карандашами.

Ольга сидела, закусив губу и потупившись. Жидкие белесые волосы свисали сосульками вдоль мышиного личика. Телефон она, слава богу, отложила в сторону.

– Ладно. – Анна достала из ящика стола стопку чистых листов, предназначенную как раз для таких случаев. – На, держи. Задание на доске в левой колонке. Три номера. Сиди и решай.

Ольга взяла листок, достала из рюкзака ручку и уставилась на доску. Анна отошла от нее в другой конец кабинета, где ее давно уже дожидалась четверокурсница Марина Сухаренко. Той требовалось объяснить материал, который она пропустила по болезни. Марина претендовала на «отлично», и Анна принялась терпеливо объяснять ей суть задач и примеров. После Марины был Сеня Анисимов, ее однокурсник. Он тоже много пропускал, но Анна ему единственному делала скидку – она знала, что парень живет со старенькой бабушкой, денег в семье катастрофически не хватает и Сеня вынужден работать. Он был совсем не глупым мальчишкой, этот Сеня, и, если бы в самом начале жизни ему повезло побольше, Анна не сомневалась бы, что после колледжа он пойдет в какой-нибудь технический вуз. Сейчас, однако, речь шла о том, что ему не выдадут диплом из-за огромного количества хвостов. Анна твердо решила, что по ее предмету у Анисимова долгов не будет, и занималась с ним почти каждый день в течение всего декабря. Это принесло свои плоды – сегодня Сеня был на высоте, с легкостью решал задачки, точно орешки щелкал.

– Молодец, – похвалила его Анна, – вполне заслуженная четверка.

– Вам спасибо, Анна Анатольевна! – Анисимов посмотрел на нее с благодарностью. – Если бы не вы, был бы еще один долг.

– Не за что. – Анна улыбнулась. – Много еще нужно сдать?

Сеня кивнул и вздохнул.

– Ничего, не переживай. Ты все успеешь. Нужно только правильно организовать свой день.

– Вот с этим у меня проблемы, – засмеялся Анисимов, – после работы так устаю, ни на что сил не хватает.

– А если взять отпуск на пару недель?

– Боюсь, не дадут. Но я попробую. – Сеня поднялся из-за стола. – Ну, я пошел. До свиданья, Анна Анатольевна.

– Удачи, Сеня. – Анна перевела дух, сжевала кусочек шоколадки и подошла к парте, за которой в глубокой задумчивости сидела Жарко.

– Ну, Оля, надеюсь, ты готова.

Та посмотрела на нее густо обведенными глазами и протянула пустой листок.

– Что, опять?? – Анна устало опустилась на стул рядом с Ольгой. – Ну, как прикажешь тебя понимать? Ты же сама просилась на пересдачу.

– Я думала... – Жарко замялась, глядя в стол.

– Ты думала, я поставлю тебе трояк просто так, ни за что?

– Но я же пришла! – огрызнулась Ольга. – Вот, сижу здесь.

– Спасибо большое, – язвительно проговорила Анна, – я очень тронута, что ты потратила на меня свое драгоценное время. Но без решенного задания положительной оценки не будет.

– Как не будет? Почему? Ну, я же честно не могу! Ну, не понимаю я вашу алгебру! Геометрия еще туда-сюда, а эти многочлены... Анна Анатольевна, поставьте мне тройку, пожалуйста! – голос Ольги задрожал, в глазах появились слезы.

«Как все это омерзительно, – подумала Анна, – как будто она жертва, а я какой-то палач».

Она покачала головой:

– Нет. Если не понимаешь, давай объясню. Начнем с первого примера.

Ольга с размаху стукнула кулаком по столу, затем уронила голову на парту и зарыдала в голос.

– Я не могу, не могу!! Не надо мне ничего объяснять, я все равно не пойму. Пожалуйста, я вас умоляю!

В дверь просунулось удивленное лицо историка Тихона Павловича Ковригина.

– Что тут у вас такое? – спросил он Анну.

– Ничего особенного, – сухо ответила та. – Обыкновенная истерика.

– Может, водички? – Тихон Павлович скрылся из виду и через минуту появился с пластиковым стаканчиком из кулера.

Ольга выпила воду, стуча зубами и икая. По лицу ее градом катились слезы. Немногочисленные оставшиеся в кабинете студенты смотрели на происходящее с неловкостью и осуждением.

– Оля, прекрати, – проговорила Мила Савушкина, ее однокурсница, – как тебе не стыдно?

Жарко зарыдала еще горше. Тихон Павлович покачал головой и пошел к двери. Анна не знала, как ей быть. За время ее работы в колледже такое она видела впервые. Бывало, студенты хамили, случалось, пускали слезу, но такого откровенного и отвратительного спектакля доселе еще никто не устраивал.

– Вот что, Оля, – как можно мягче сказала Анна. – Давай я принесу тебе еще водички, и ты успокоишься. Я не вижу никакой трагедии. Мы сейчас сядем вместе и попытаемся сделать хоть что-нибудь. Самое простое.

Жарко отчаянно замотала головой, из глаз ее бежали новые потоки.

«Кажется, тут нужен психиатр», – решила Анна.

– Иди, Оля. Я позвоню твоим родителям, и мы решим, что делать.

– Только не родителям! – взвыла Ольга. – Вы не знаете моего отца!

– Ну почему же, я с ним знакома, – произнесла Анна в некоторой растерянности.

Может, этот папаша-алконавт бьет девчонку? Тогда, пожалуй, стоит решать этот вопрос с администрацией.

– Хорошо, Оля. Успокойся, пожалуйста. Я не буду звонить твоему отцу.

– Маме тоже, – всхлипнула Ольга.

– Да, конечно. Иди домой, мы с завучем и директором решим, как поступить.

– Вы не поставите мне оценку? – Жарко подняла на Анну мокрое от слез лицо.

На мгновение та заколебалась. В ней боролись жалость и чувство долга. Последнее одержало верх. Если сейчас уступить Ольгиной истерике, то среди студентов тут же распространится известие о том, как манипуляциями можно добиться от преподавателя всего, что душе угодно. Надо разобраться во всем, понять, что творится у Жарко в семье, попытаться решить проблему кардинальными методами.

– Иди, Оля, – спокойно повторила Анна. Жарко с новыми рыданиями вышла из класса. Некоторое время Анна слышала ее из коридора, кажется, ее утешали девчонки, что-то говорили ей. Потом все стихло. Голова у Анны готова была взорваться от боли, сердце бешено стучало. Она не помнила, как опрашивала оставшихся студентов, как выставила им оценки и отпустила. Оделась, вышла из класса и, даже не попрощавшись со Светкой, уехала в сад за Олесей. По дороге ей стало немного легче. Позвонил Дмитрий. Он уже проехал Воронеж и отлично вписывался в график.

– Ты что такая кислая, малыш?

– Голова разболелась. Устала. И встала ни свет ни заря.

– Бедняжка моя, – ласково произнес Ключев. – Ну ничего, скоро я о тебе позабочусь. Будешь лежать в постели все выходные.

– Еще чего! – Анна слабо улыбнулась. – Все не настолько плохо. Лучше поедem на каток.

– Как прикажешь, моя принцесса, – проворковал Дмитрий.

Анна остановилась у бистро, купила бутылку воды и выпила таблетку цитрамона. Потом забрала Олесю и поехала к тетке.

Тетя Наташа жила в стареньком четырехэтажном доме, притулившемся на окраине Бутово в близком соседстве с новостройками. Она жила здесь всю жизнь и помнила то время, когда на месте нового микрорайона была деревня с частными домами, среди которых ее четырехэтажка казалась башней. Тетя Наташа много лет проработала в школе учителем биологии и, хоть свой труд очень любила, заработала жесточайшую гипертонию, такую, что пришлось уйти на пенсию. Теперь она сидела дома, исправно пила таблетки, разводила комнатные цветы и пекла чудесные кабачковые оладьи. Семейей Наташа не обзавелась, и Анна с Олесей были ее единственной отрадой. Она готова была взять Олесю на целую неделю, а не только на выходные, но предательское давление не давало это сделать, неожиданно подсакивая до критических отметок. Анна волновалась за тетку, оставляя ей ребенка, звонила каждый час, Олесе строго-настрого приказано было тетю во всем слушаться, не огорчать, а также не бегать и не шуметь. Та была готова на любые условия, потому что тетю Наташу просто обожала: они вместе читали книжки про животных и растения, ухаживали за цветами, пекли пироги и гуляли в тихом дворике возле дома.

– Приехали, мои дорогие! – тетя Наташа встретила их на пороге в длинном до пола теплом байковом халате. От нее вкусно пахло духами, ванилью и мандаринами.

– Приехали, приехали! – запрыгала радостная Олеся. – У тебя мандарины есть?

– Есть, моя козочка, конечно, есть. Специально для тебя купила, да не удержалась и сама съела целых два. – Тетка засмеялась и посторонилась, пропуская гостей в тесную прихожую. Она смотрела, как Анна раздевает Олесю, снимает с нее куртку, сапожки.

– Растет не по дням, а по часам. Неделю назад, кажется, меньше была.

– Скоро вырасту больше тебя! – Олеся поднялась на цыпочки и обняла тетку за талию.

– Тихо-тихо, не трогай тетю Наташу, – осадила ее Анна, – а то у нее давление поднимется.

– Ладно тебе, Аня, – Наташа улыбнулась и обняла девочку, – все будет хорошо. Ты останешься чай попить?

– Нет, тетя Наташ, я бегу. Дима должен скоро приехать, мне его кормить нужно.

– Мам, а я когда увижу дядю? – спросила Олеся.

– Скоро, зайчик, скоро. Может быть, мы даже поедem вместе отдыхать на море.

– Ура!! – Олеся снова запрыгала и захлопала в ладоши.

Тетка вопросительно взглянула на Анну:

– Все так серьезно?

Та пожала плечами:

– Кажется, да.

– Может, привезешь его как-нибудь сюда? Я бы посмотрела на него. Все-таки я тебе вместо матери, кто-то же должен следить за вами с Олесей.

– Привезу, тетя Наташ, – пообещала Анна. – Чуть позже. Обязательно. А сейчас побегу.

– Вид у тебя неважнецкий, – проговорила тетка и вздохнула. – Устаешь небось?

– Устаю, – призналась Анна.

– И охота тебе была в этом своем колледже торчать? Сидела бы дома с ребенком, давала бы частные уроки.

– Так я и так даю. – Анна засмеялась.

– Больше бы давала. И ребенок был бы присмотрен.

– Я люблю свою работу. – Анна машинально приложила руку к виску, который только-только перестало ломить. – Люблю.

– Любишь, а голова-то болит, – заметила тетка, от цепких глаз которой не укрылся ее жест. – Ну, свои мозги никому не всучишь, делай как знаешь. А Дмитрия своего привози, я буду ждать.

– Хорошо, тетя Наташечка! – Анна поцеловала тетку в теплую, мягкую щеку, чмокнула Олесю и скрылась за дверью.

Она неслась домой на всех парах. Голова болеть перестала, настроение улучшалось с каждой минутой. Дома Анна протерла пол, убрала игрушки и одежду в Олесиной комнате, приняла душ и заново накрасилась. В холодильнике дожидалось своего часа мясо по-французски. Анна сварила картошку, нарезала салат из помидоров и огурцов и с чувством выполненного долга уселась перед телевизором.

Дмитрий приехал ровно в полночь. Анна увидела его на пороге, усталого, бледного, с явно проступившей щетиной, и вдруг четко осознала, как ей плохо было эти полтора дня без него. Родной, свой, самый лучший и надежный! Она кинулась к нему и повисла на шее.

– Ну наконец-то! Как я скучала!

– Я тоже. – Клюев слегка отстранил ее и вошел в квартиру. – Погоди, я весь грязный. Пойду вымоюсь.

Анна заметила, что вид у него по-прежнему какой-то подавленный. Проблемы в Ростове?

– Иди, конечно, – она ласково улыбнулась. – Я тебе уже там полотенце повесила.

– Спасибо, малыш. – Он поцеловал ее, уколол щеку. – Я быстро.

– Не торопись.

Анна дождалась, пока Дмитрий скроется в ванной, зашла на кухню, поставила мясо в микроволновку. Достала салат, накрыла на стол. Почему-то ее охватило тревожное чувство. Кажется, она слишком влюбилась. Чересчур прикипела к Дмитрию. Хочет стать его женой. А хочет ли он всего того, что и Анна? Эти два месяца их отношения были легкими, радостными, приносящими лишь удовольствие, необремененными бытом, различными проблемами, ребенком. Теперь пора перейти на другой этап. Пора увидеть друг друга не сквозь розовые очки, а в реальности, разделить не только улыбки, нежность и страсть, но и грусть, плохое настроение, тревоги, заботы. Дмитрий уже проходил через такое и потерпел поражение, а у Анны никогда еще не было своей собственной семьи, она не знает, каково это – видеть любимого мужчину ежедневно, ежечасно, со всеми его настроениями и причудами.

Скрипнула дверь ванной, выведя Анну из задумчивости. Дмитрий зашел в кухню, пригладивая на ходу мокрые волосы.

– Ну, кажется, пришел немного в себя. – Он улыбнулся и присел к столу.

Анна вскочила и захлопотала.

– Кушай. Ты голодный, наверное, ужасно. У меня все готово.

– Хозяйственная ты моя, – ласково проворковал Дмитрий. – Могла бы не напрягаться так, что-нибудь заказали бы. Ты ведь тоже еле на ногах держишься с этой сессией.

Анна поставила перед ним тарелку с мясом.

– Попробуй.

Дмитрий с аппетитом поглощал мясо, картошку и салат. Самой Анне есть не хотелось, хотя она, по обыкновению, пообедать сегодня не успела.

– А ты почему не ешь? – спросил Ключев с набитым ртом.

– Я уже поела, – соврала Анна. Села рядом с ним, положила руку ему на колено.

– Дим!

– Что, милая?

– У меня возникла сумасшедшая идея.

– Какая? Мясо – блеск. Ты не только красавица, но и хозяйка великолепная.

– Спасибо. – Анна кокетливо улыбнулась. – Так вот, насчет идеи. Как ты отнесешься к тому, чтобы нам вдвоем поехать куда-нибудь в теплые страны?

– Вдвоем? – Дмитрий на секунду перестал жевать, потом его челюсти задвигались снова.

– Да. Ты, я и Олеся. Я... я думаю, пришло время вам познакомиться.

Дмитрий молча доел мясо, вытер губы салфеткой и посмотрел на Анну. В глазах его была нежность и усталость.

– Да, Анечка, я понимаю тебя. Ты абсолютно права. Нам надо познакомиться с твоей дочкой. И лучше, чем в поездке на отдыхе, этого не сделаешь.

– Так ты за? – Анна, обрадованная, вскочила и обняла Дмитрия.

Он подхватил ее на руки и посадил к себе на колени.

– Конечно я за, малыш. Но прямо так обещать, что мы сейчас уедем, я не могу.

– Почему? – разочарованно проговорила Анна. – Денег нет?

Ключев кивнул:

– И это тоже. Вопрос не только в деньгах.

– А в чем? В бизнесе? У тебя дела в Ростове?

– Дела, – повторил Ключев рассеянно. Посмотрел на грустное лицо Анны и потрепал ее по щеке. – Я не отказываюсь, малыш, не переживай. Все возможно, просто я не могу сейчас обещать наверняка.

– Да, конечно, я понимаю. – Анна подумала про себя, что она конченная дура. Напридумывала себе радужных планов, совсем как Светка. А между тем она почти не знает Дмитрия, не знает, что у него в голове, чем он живет, о чем думает. Зрелый, успешный, самодостаточный человек, прошедший армию, неудачный брак и много такого, о чем Анна и понятия не имеет.

– Я идиотка, – спокойно и просто сказала она.

Ключев уставился на нее с удивлением:

– Это почему?

– Я нарисовала себе чудесную картинку: ты, я, Олеся, берег океана, солнце, песок. Мне даже снилось это. Но это только картинка. Только сон...

– Нет, малыш, нет! – Дмитрий поспешно поднялся из-за стола и заключил Анну в объятия. – Это не просто картинка, и ты вовсе не идиотка! – он говорил горячо, страстно, голос его звенел от волнения и нежности. – Ты замечательная девушка и достойна самого лучшего. Я... я постараюсь дать тебе все, что смогу. Я буду очень стараться! – Дмитрий произнес последние слова так, словно клятву давал.

У Анны от эмоций на глазах выступили слезы. Она спрятала лицо у него на груди. Он поднял ее и понес, на ходу шепча что-то невероятно глупое и ласковое. Последнее, о чем подумала Анна, пока тело ее не коснулось прохладной простыни и мысли не улетучились из головы, оставив там восхитительную пустоту, это то, что она непросительно, невероятно счастлива...

7

Ее разбудил телефонный звонок. Анна с трудом открыла глаза: в комнате царил полумрак, в полоску между неплотно прикрытыми шторами проникал бледный свет. Значит, еще совсем рано, не больше половины девятого. Кому она понадобилась субботним утром? Анна сладко потянулась, кинула взгляд на крепко спящего рядом Дмитрия, и вдруг ее точно дернуло: тетка звонит? Что-то случилось? Давление подскочило или с Олесей что-то? Она схватила телефон.

– Анна Анатольевна! – это была вовсе не тетка, а директор колледжа Николай Илларионович Граубе.

Анна перевела дух.

– Да, слушаю.

«Интересно, что могло ему от меня понадобиться? – недовольно подумала она про себя. – Неужели в выходные не могут оставить в покое?»

– Анна Анатольевна, срочно приезжайте в колледж. Немедленно, слышите!

– Да что случилось? – рассердилась Анна. – Утро еще. У меня сегодня нерабочий день.

– Я сказал немедленно! – в тоне директора послышался металл. – Через час я вас жду у себя в кабинете. Вам ясно?

– Ясно, – сквозь зубы проговорила Анна и отключилась.

Проснувшийся Клюев смотрел на нее с удивлением:

– С кем это ты так?

– Да ну их, достали! – Анна с досадой кинула телефон на тумбочку и обняла Дмитрия. – Пашешь всю неделю как сумасшедшая, а в выходные тоже покоя нет.

– Это из колледжа? – догадался Клюев.

– Да, и не кто-то, а сам директор. Небось очередная комиссия грянет, сейчас начнется тот еще шухер.

– Странно... – Дмитрий в задумчивости играл волосами Анны, то наматывая их на палец, то разглаживая.

– Более чем, – согласилась та. – Ты позавтракаешь без меня? Я быстро, туда и обратно. Думаю, они хотят проверить документацию, программы рабочие, журналы.

– Ну, ведь у тебя все в порядке?

– Разумеется. Сто раз все уже проверено. Так что я ненадолго.

Она встала и начала одеваться. Клюев смотрел на нее, не двигаясь с места, и улыбался.

– Кофе хотя бы выпей. Мало ли, вдруг задержишься.

– Не хочу, – отмахнулась Анна. – Ты полежи немного и кушай. Там в холодильнике еще осталось жаркое. Если не хочешь, можешь бутерброды нарезать. Я вернусь, поедем на каток. Хочешь?

– Хочу. – Дмитрий натянул одеяло до подбородка и рассмеялся.

– Не скучай. – Она потрепала его по волосам и скрылась в прихожей.

До колледжа Анна доехала сравнительно быстро, оставила машину на парковке и почти бегом обогнула здание. Зашла в вестибюль и остановилась в удивлении. Несмотря на то что в субботу не было учебных пар, в холле было полно народу.

«Точно комиссия, – решила Анна. – Только бы не застрять здесь до обеда».

При мысли, что ей не дают побыть с Дмитрием после разлуки, ее охватила ярость. Она прошла через турникет и решительно двинулась к директорскому кабинету.

– Это вы Акулова?

Анна обернулась. Напротив нее стоял рыжеватый низкорослый мужчина в темном костюме.

– Да, я. А в чем, собственно, дело?

– Пойдемте со мной.

Он довольно бесцеремонно взял Анну за плечо. Они вместе зашли в директорский кабинет. Граубе сидел за столом, лицо его было багровым, на лбу вздулась толстая синяя жила.

– Садитесь, – приказал рыжий.

Анна, недоумевая, опустилась на стул напротив директорского стола.

– Ну, рассказывайте. – Мужчина смотрел на нее цепким, пронзительным взглядом, словно хотел просветить насквозь, как рентгеном.

– Что рассказывать? – Анна ничего не понимала, но чувствовала, что происходит что-то ужасное.

– Рассказывайте, как вы вчера издевались над вашей ученицей.

– Вы имеете в виду Олю Жарко? – У Анны отлегло от сердца.

Так, значит, документация тут ни при чем – это все из-за вчерашней истерики избалованной девчонки? Нажаловалась дома, отец небось позвонил директору. А этот рыжий недомерок, интересно, кто? Независимый эксперт? Ей стало смешно. Ну уж нет, не на такую напали.

– Да, я имею в виду студентку второго курса Ольгу Жарко, – спокойно проговорил рыжий. – Вы вчера принимали у нее зачет и не выставили оценку. Так?

– Так.

– Почему?

– Она не была готова. Не знала материал.

– Она приходила к вам неоднократно и никак не могла сдать ваш предмет. Вы намеренно травили ее?

– Я? С какой стати? Я просто хотела вложить в ее голову хоть какие-то знания и...

– Так! – Граубе с грохотом поднялся во весь свой огромный рост. – Хватит! Я сказал, прекратите этот цирк! Знания она хотела вложить!

– Почему вы на меня кричите? – Анна тоже попыталась встать, но рыжий слегка надавил ей на плечи.

– Сядьте, Акулова.

– Да что это, в самом деле? – Анна почувствовала, что еще секунда, и ее терпение лопнет. Ей неудержимо захотелось швырнуть в этих идиотов чем-нибудь тяжелым, например чугунной пепельницей, стоявшей на краю стола. – Меня вызвали в выходной день, кричат, оскорбляют. Неужели из-за неуда по алгебре можно так обращаться с преподавателем? И если уж на то пошло, то где сама Ольга? Она просила не звонить родителям, а сама вон что устроила. Я же предлагала ей позаниматься дополнительно. Где Жарко? Пусть она тоже придет сюда, в кабинет!!

Лицо директора из багрового стало мучнисто-белым. Он хотел что-то сказать, но махнул рукой и отвернулся к окну.

– Жарко не придет, – скучным тоном сказал рыжий.

– Почему?

– Оля Жарко сегодня ночью покончила с собой. Выпила сильнодействующее снотворное.

Анне показалось, что на нее рухнул потолок. Первой мыслью было, что она ослышалась. Это просто невозможно, такого быть не может. Пока она молчала, не в силах издать ни звука, рыжий положил перед ней тетрадный листок.

– Читайте.

– Что это? – с трудом выдавила Анна.

– Читайте-читайте. Это имеет к вам прямое отношение. – Голос рыжего звучал холодно и устрашающе спокойно. Анна взяла листок в руки, строчки прыгали перед глазами.

«Дорогие мама и папа, я так больше не могу. Не вижу выхода из создавшегося положения. В моей смерти прошу винить моего преподавателя, Акулову А. А. Ваша дочь Ольга». Далее шло вчерашнее число и подпись.

– Ну? – с еле уловимой ноткой нетерпения произнес рыжий. – Что скажете?

Анна подняла на него глаза, полные ужаса:

– Вы кто?

– Капитан Дроздов, следственный комитет. Я буду заниматься вашим делом.

– Моим делом? – Анна наконец обрела возможность говорить.

Граубе так и стоял у окна, но уже повернувшись к Анне и рывком лицом.

– Николай Илларионович! – дрожащим голосом сказала Анна. – Что вы молчите? Ведь вы же знаете, я ни в чем не виновата. Эта записка... откуда, почему... я не понимаю...

Граубе отрицательно покачал головой. Его лицо было непроницаемым и мрачным, вокруг губ прорезались две глубокие морщины.

– Анна Анатольевна, это уголовное дело. Позор для нашего колледжа, пятно на весь коллектив. Вы сегодня же отстраняетесь от работы с учащимися. Вам ясно?

– Ясно. – Анна тупо уставилась в листок, в который раз перечитывая строчки, написанные корявым Ольгиным почерком. – Неужели ее не могли спасти? – обратилась она к Дроздову.

– Нет. Слишком сильный препарат, она выпила весь пузырек.

– Где она его взяла?

– Вам какая разница? – довольно грубо произнес Дроздов. – Взяла где-то. Следствие разберется. А вам надлежит явиться в следственный комитет для дачи показаний.

– Прямо сейчас? – испугалась Анна.

– Нет, я вам позвоню. Паспорт у вас с собой?

– Да.

– Дайте сюда.

Анна вынула из сумки паспорт и протянула следователю. Тот подошел к ксероксу и сделал копию. Затем отдал паспорт Анне.

– Все, идите. Вам позвонят на днях, или я, или мой помощник. Администрация предоставит вам работу, не связанную с обучением студентов. В канцелярии, например. И никуда не выезжайте из города. Поняли меня?

– Поняла. Я могу идти?

– Можете. Осторожней там на выходе.

Последних его слов Анна не поняла, поспешно спрятала паспорт и почти выбежала из директорского кабинета. Ей хотелось зарыдать, но глаза были абсолютно сухими. Перед взглядом Анны отчетливо стояло лицо Ольги, залитое слезами, с размазавшейся тушью и трясущимися губами. Как же так, девочка, что же ты натворила? Как только тебе в голову пришло? Анна стремительно прошла по коридору и свернула к турникету.

– Она! Вот она!! – резкий пронзительный крик заставил ее обернуться. Прямо перед ней стоял Жарко, все в том же кошмарном пальто, только лицо его было не красным, а землисто-серым. На нем, вцепившись ему в плечи, почти висела женщина. Ее вид заставил Анну содрогнуться: волосы всклокочены, глаза, нос и губы опухли, точно от пчелиных укусов, кокетливая норковая шубка застегнула через пуговицу.

– Убийца! – выдохнула женщина ей в лицо. – Тварь! Гадина! Ненавижу! – Она зарыдала и стала оседать на пол, длинные, покрытые алым гелем ногти скользили по коже пальто.

– Зоя, тихо, тихо, ну, успокойся, пожалуйста, – бормотал Жарко, пытаясь ее удержать.

В голове у Анны гулко застучало. Она невольно отпрянула назад и увидела, как к ним бегут двое в полицейской форме.

«Это мать Жарко», – догадалась Анна. Ей стало холодно, точно при ознобе. Рослые полисмены ловко подхватили женщину и поволокли к скамейкам. Жарко остался стоять посреди коридора, глядя на Анну в упор испепеляющим взглядом.

– Ты... я этого так не оставлю. Ты ответишь! Обещаю, ты пожалеешь, что на свет родилась. – Все это он произнес тихо, в отличие от жены. Низким, каким-то утробным голосом.

– Простите. – Анна усилием воли заставила себя взглянуть ему в глаза. – Это недоразумение. Мне очень жаль. Я... соболезнаю.

– Я тебя уничтожу, – прошипел Жарко.

Анна почувствовала, что от него, как и в прошлый раз, пахнет алкоголем. Она ничего больше не стала говорить и вышла на улицу. Подошла к машине, села, заблокировала двери. И тут ее затрясло. Зубы стучали, тело сотрясала крупная дрожь. Анна достала телефон и с трудом набрала Дмитрия.

– Малыш, ты уже освободилась? Так быстро? – Ей показалось, что его голос звучит будто из другой вселенной. Оттуда, где нет этого ужаса, отчаяния и мрака. – Что ты молчишь? Ты едешь домой? Я сварил гречку.

– Молодец, – замороженным тоном сказала Анна.

– Молодец, что сварил? – удивился Ключев. – Ты какая-то странная. У тебя там все в порядке? Что с документами?

– У меня не все в порядке. – Анна наконец почувствовала, как приближаются долгожданные слезы. Голос ее сорвался на полуслеп: – Дима, Димочка! У меня беда.

– Что случилось, Аня? Ты плачешь? Что-то не так? Тебе сделали замечание?

– Если бы! Если бы замечание. Это ужас, Дима, ты даже представить себе не можешь...

– Вот что, – перебил Ключев, – в таком состоянии ты не можешь вести машину. Жди, я сейчас приеду.

– Нет, не надо! – При мысли, что нужно будет сидеть во дворе колледжа, где в любой момент к ней могут подойти родители Жарко, Анне стало дурно. – Я могу вести. Я приеду сама.

– Ты можешь толком объяснить, что случилось? – произнес Дмитрий с недоверием.

– Дома объясню. – Анна решительно повернула стартер.

8

Дмитрий как будто ждал за дверью – тут же открыл, едва Анна нажала на звонок. Вид у него был встревоженный и возбужденный.

– Наконец-то! – он схватил Анну в охапку и втащил в прихожую. – Господи, на тебе лица нет. Неужели все так серьезно?

Она кивнула и без сил опустилась на банкетку.

– Давай рассказывай, – велел Клюев и принялся снимать с нее пальто и сапоги.

– Ольга Жарко умерла сегодня ночью. Покончила с собой.

Клюев замер с Аниным сапогом в руках.

– Что? Ты что говоришь??

– Отравилась таблетками. Перед смертью оставила записку. Там она пишет... что... что... – У Анны наконец хлынули слезы градом.

– Что? – эхом повторил Клюев, точно завороченный глядя на Анну.

– Что в ее смерти виновата я...

– Как это? Почему?? Что за чушь? – Он отбросил сапог.

– Помнишь, я пришла к тебе в среду вечером? Ты как раз собирался ехать в Ростов? Помнишь?

– Ну да, – рассеянно произнес Клюев.

Он выглядел оглушенным и растерянным.

– Перед этим она пришла ко мне в кабинет и попросила назначить ей день пересдачи. У нее были долги с прошлого года. Вчера после пар она была у меня и пыталась выпросить тройку просто так, ничего не ответив.

– И ты...

– Я не поставила. Она закатила истерику, рыдала, заламывала руки.

– Черт! – неожиданно воскликнул Клюев и обхватил голову руками. – Черт, черт!!

– Ты понял? – Анна перестала плакать и печальными, бездонными глазами смотрела на него.

Он опустил голову.

– И после этого она пришла домой и... написала записку? – его голос звучал хрипло и сдавленно, словно стальная невидимая рука сжимала ему горло.

– Да. Что не может так больше. Что просит во всем винить Акулову А. А...

– Черт! – уже спокойней повторил Дмитрий. – Вот это подстава, малыш! Это могут быть большие проблемы.

– Со мной уже беседовал следователь. Сказал, что вызовет на допрос. От работы отстранили. И этот... отец Жарко...

– Ты его видела?

– Да. Он обещал меня уничтожить.

Анна уже совсем взяла себя в руки. Слезы принесли ей некоторое облегчение, к тому же дома, рядом с Дмитрием, она чувствовала себя в относительной безопасности. Вдвоем они что-нибудь придумают. Сумеют доказать, что Ольга написала записку в состоянии аффекта и никто не виноват в ее гибели. Дмитрий молчал, погруженный в какие-то свои мысли. Анна осторожно дотронулась до его плеча:

– Пойдем поедим?

Он посмотрел на нее с удивлением:

– Ты хочешь есть?

– Ну я же не завтракала, – она попыталась улыбнуться, улыбка вышла вымученной и жалкой. На самом деле при мысли о еде ее тошнило. Но надо было что-то делать, как-то продолжать жить, постараться отвлечься, поверить в лучшее, хотя внутри у нее все точно оледенело.

Клюев кивнул и взял Анну за руку.

– Конечно. Прости. Я не подумал. Так ошарашен тем, что ты сказала. Прости.

Они зашли на кухню и уселись за маленьким круглым столом. Анна хотела подойти к плите, но Клюев жестом остановил ее:

– Сиди! Я сам.

Он разогрел на сковородке кашу, положил Анне в тарелку, добавил сливочного масла и пару кусков ветчины. Она ела и давилась. Он по-прежнему молчал, лицо его было сумрачным и отрешенным.

– Дим! – тихо позвала Анна.

– Да, малыш. Вкусно? Я старался.

– Очень вкусно. Я думаю... что теперь делать?

– Ну что делать? – он погладил ее по голове. – Пока ждать, что скажет этот следак. Ты запомнила его фамилию?

– Дроздов.

– Я наведу справки. Попробую выяснить, что можно предпринять.

– Правда? – Анна так обрадовалась, что едва не подавилась кашей. И тут же сердце ее сжалось от пронзительной боли. – Дим... скажи честно... ты как думаешь – из-за меня Оля умерла?

– Ну что ты? Вот глупышка. – Он прижал ее к себе, как ребенка. – Девочку, конечно, очень жалко. Но как ты могла такое предвидеть? Она ведь не угрожала наложить на себя руки?

– Нет!

– Ну вот. Это надо пережить, малыш. Постепенно отпустил. Не вини себя. Сейчас главное доказать следствию твою невиновность.

– Ты мне поможешь? – она доверчиво подняла на него глаза.

– Помогу, малыш, конечно, я сделаю все, что в моих силах.

Телефон Анны вдруг взорвался оглушительным звонком. Оба вздрогнули и со страхом поглядели на экран. Светка.

– Не бери, ну ее, – тихо сказал Клюев.

– Надо взять. Я не стану прятаться ото всех! Если я так сделаю, то дам понять, что признаю себя виноватой.

Клюев кивнул:

– Да, ты права.

Анна нажала на прием.

– Я все знаю! – заверещала в трубку Светка. – Ань, это какой-то кошмар. Нас вызвали на работу. Какие-то хмыри всех опрашивают, докапываются до тебя – как ты себя вела со студентами, с коллегами. Ребят согнали. Тоже будут беседовать. Папаша этой Ольги ходит-бродит, как кентервильское привидение. Ань, этот придурок Тихон Павлович такое сейчас тут нес про тебя! Они дверь неплотно закрыли, и я слышала! Анечка, что ж это будет!

Анна, морщась, как от боли, с трудом дотерпела до конца Светкиного словесного потока. Надо же, как оперативно! Значит, уже идет допрос свидетелей. А Тихон Павлович, разумеется, имеет зуб на Анну: когда она только пришла в колледж, он пытался к ней подкатить, шептал на ушко, как у него с женой не ладится интимная жизнь. Анна сразу его послала, тут он ее и возненавидел. Тихо возненавидел, не демонстративно – на такое его трусливая душонка не была способна. Ну вот, теперь у него есть шанс поквитаться...

– Свет, – устало проговорила Анна, – во-первых, не кричи так, я не глухая. Во-вторых, не могут же все про меня говорить только плохое.

– Конечно, нет! – еще громче завопила Светка. – Я сказала, что ты моя лучшая подруга и замечательно ладишь с ребятами. А Инна Михайловна, та вообще чуть не расплакалась.

– Ну видишь, не все потеряно, – Анна усмехнулась. И сама себе изумилась: она еще и утешает Светку, хотя должно быть совсем наоборот. Видимо, той тоже пришла в голову эта мысль.

– Ань, хочешь, я приду к тебе? – предложила она виноватым тоном.

– Спасибо, не сейчас.

– У тебя Клюев? – догадалась Светка.

– Да.

– Ясно. Его, кстати, тоже сейчас вызовут. Еще не звонили?

– Нет.

– Ну хорошо. Зеленина сказала, ты теперь будешь в учебной части работать. Ведомости составлять, отчеты всякие.

– Что скажут, то и буду делать, – согласилась Анна, – надеюсь, ненадолго.

– Ладно, Ань, держись. Я с тобой!

Анна отложила телефон и отодвинула тарелку.

– Все, наелась. Большое спасибо, очень вкусно.

– Вижу, как наелась, – Дмитрий печально улыбнулся и посмотрел на часы. – Я все слышал, что Света сказала. Наверное, мне стоит туда съездить, не дожидаясь приглашения. Поговорю с ними по-мужски.

Анна кивнула, хотя ей ужасно не хотелось сейчас оставаться одной. Но она понимала, что Дмитрий прав.

– Ты вот что, Аня, иди ложись. Полежи, отдохни, попей чайку. Посмотри что-нибудь приятное, легкое. А я скоро вернусь.

Он налил Анне горячего чая, сделал пару бутербродов, поставил все это на поднос, добавил пару мятных пряников и отнес поднос в спальню.

– Давай, давай, – с шутливой строгостью приказал он Анне.

Та нехотя поплелась в комнату, переоделась в домашнее и легла. Она слышала, как Дмитрий возится в прихожей. Затем хлопнула дверь. Анна закрыла глаза. На нее навалились отчаяние и ужас. Бедная Оля! Как она могла не понять, что девчонка на грани? Как могла быть такой черствой и жестокой? Острое чувство вины мучило Анну, как голодный леопард терзает свою добычу. Она ощутила, что не может больше держать это в себе, и набрала тетку.

– Привет! Как у вас дела?

– У нас все в порядке. А вот что с твоим голосом? Опять голова болит?

– Нет, тетя Наташ, не голова. У меня тут ЧП произошло на работе.

– Какое еще ЧП? – удивилась тетка и тоном, не терпящим возражения, потребовала: – Давай выкладывай!

Анна запинаясь и всхлипывая, поведала ей свою трагическую историю. Тетка выслушала молча, не перебивая. Дождалась, пока Анна умолкнет. Сама помолчала пару секунд. Потом произнесла достаточно спокойно и уверенно:

– Вот что, детка, ты себе голову-то не морочь. Небось кушаешь себя поедом, что угробила девочку?

– Кушаю, тетя Наташа, – сдавленно пробормотала Анна.

– Не смей, – твердо сказала тетка. – Ты ни в чем не виновата. У тебя у самой ребенок, тебе надо думать, как оправдаться. Адвоката нужно найти хорошего.

– Даже так? – упавшим голосом проговорила Анна. – Думаешь, понадобится адвокат?

– А ты думаешь, нет? Тем более, говоришь, папашка у этой бедолаги при деньгах. Они тебе быстренько дело состряпают. Так что киснуть не время, бери себя в руки и приготовься бороться.

Теткины слова подействовали положительно. Анне стало капельку легче. Да, она не имеет права нюни распускать – у нее дочь. Ей нужна нормальная мать, а не заклеянная позором подсудимая. Значит, надо бороться за правду, как тетка говорит.

– Спасибо, тетечка Наташечка, – нежно сказала Анна в трубку.

– Не за что, детка. Приходи в себя, а хочешь – приезжай к нам, мы тут торт варганим. Где твой-то? Вы вместе? Можешь и его привозить – торт вкусный выходит.

– Спасибо, тетя Наташ, может, мы и приедем вечером сегодня. Или завтра утром.

– Ну давай, не горюй. Обнимаю тебя.

Анна отложила телефон и отхлебнула из чашки остывший чай. Она попыталась вспомнить в деталях вчерашний день. Может быть, Ольга подавала какие-то сигналы, которых она не заметила? Но нет, Анна не могла вспомнить ничего, кроме театральных рыданий и наглых просьб поставить оценку просто так. Неужели Ольга могла с собой такое сотворить из-за оценки по алгебре? И вовсе не похоже, что у нее был конфликт с родителями, хотя, конечно, папаша у нее жуткий тип. Нет, хватит, баста! Больше Анна не станет об этом думать. В конце концов, в классе оставались ребята, это свидетели ее невиновности. Они все видели и слышали, они скажут правду. Хотя кто-то один, но скажет!

Анна решительно спрыгнула с дивана. Интересно, как там Дмитрий? Может быть, уже поговорил со следователем, объяснил тому, что произошло? Что, если ему позвонить? Анна поколебалась и набрала номер Ключева. Тот долго не отвечал, потом сбил вызов. Значит, его сейчас допрашивают. Анна представила, как он спокойно, неторопливо отвечает на вопросы рыжего Дроздова или кого-нибудь другого. Представила, как его слушают – с невольным уважением и вниманием. Еще бы – он же сам бывший военный. Он найдет с ними общий язык.

Время тянулось ужасно медленно, как всегда, когда ждешь чего-то архиважного. Анна слонялась по квартире, пытаясь заняться чем-то полезным, но у нее все валялось из рук. Наконец раздался звонок в дверь. Анна бросилась в прихожую.

– Ну что? Как?

– Я им все рассказал, – с порога произнес Дмитрий, – все как было, с твоих слов. Там пару ребят еще все подтвердили, что ты Ольгу не оскорбляла, предлагала позаниматься вместе, а она требовала оценку.

– Слава богу, – Анна облегченно выдохнула.

Ключев молча снял куртку и зашел в комнату. Анна побежала за ним.

– Что еще? Ты видел кого-то из наших? Из преподавателей?

– Никого.

Ей показалось, что в голосе у него звучит раздражение.

– Дима! – Анна подошла к нему ближе, пытаясь заглянуть в глаза. – Ты... за что-то злишься на меня?

– Я? Злюсь? – Он вздохнул и покачал головой: – Нет, малыш, если я и злюсь, то только на себя.

– За что? – изумилась Анна.

– За все. За то, что не уделял тебе нужного внимания последние недели. За то, что уехал. За то, что до сих пор не знаком с твоей дочкой.

Анна смотрела на него с удивлением. Он выглядел подавленным и сконфуженным, всем своим видом подтверждая сказанное только что. Ее затопила волна нежности. Он переживает чуть ли не больше ее! Чувствует ответственность, вину.

– Все будет хорошо, Дим, я верю. – Она подошла к нему и поцеловала в губы. – Пока ты со мной, ничего плохого случиться не может, – шепнула она ему на ухо.

Он грустно улыбнулся и кивнул.

Анна доверчиво прижалась к его груди и закрыла глаза.

9

Следователь позвонил только в среду. К этому времени Анна уже два дня работала в канцелярии: печатала ведомости, заполняла журналы, зачетки, договоры на практику и так далее. Каждый из этих дней давался Анне такой кровью, что вечером она приползала домой без сил, совершенно опустошенная. Люди вокруг разделились на две неравные половины: те, что из меньшей, продолжали общаться с Анной, здороваться, сочувственно улыбаться при встрече, говорить слова ободрения. Других было гораздо больше. Они вели себя демонстративно и жестко: при виде Анны резко отворачивались, старались быстрее пройти мимо, во всем облике их сквозило отвращение и укор. Анне стоило невероятных усилий ходить по колледжу с поднятой головой и прямой осанкой, не прятать глаза и без страха встречать эти полные осуждения взгляды. В первый же день после работы, подойдя к машине, она прочитала надпись, сделанную сучком на припорошенном снегом капоте: «убийца». На второй день на телефон пришло сообщение от неизвестного абонента: «Нам Акула-каракула нипочем, нипочем, мы Акулу-каракулу кирпичом-кирпичом. Поделом тебе акула!» Анна показала эсэмэску Ключеву, тот был в бешенстве, обещал найти отправителя и навалить ему по первое число. Но самой Анне стало вдруг все равно. Она поняла, что это лишь начало, ее окружают враги и борьба предстоит не на жизнь, а на смерть. Стоит ли тратить эмоции на мелкие уколы, когда предстоит отразить смертельные удары? Дроздов объявился в среду утром. Анна сидела в канцелярии и перепечатывала приказы, помогая девочкам-секретаршам, когда раздался телефонный звонок. Анна увидела неизвестный городской номер, и ее сердце екнуло.

– Анна Анатольевна? – тон Дроздова был сух, но корректен.

– Да, слушаю.

– Я жду вас у себя в следующий понедельник к девяти утра. При себе иметь паспорт.

– Хорошо.

Анна в рассеянности вертела в руках телефон. Значит, допрос уже в понедельник. Что ж, у нее будет возможность попробовать доказать свою невиновность. Тогда, при первой встрече с Дроздовым, она была настолько ошеломлена и шокирована, что ничего не смогла сказать в свое оправдание. Теперь она мысленно приготовила целую речь. Она репетировала ее все эти дни, в любую свободную минуту, рассказывала Дмитрию, а тот слушал и вносил свои коррективы.

Анна поймала любопытный взгляд молоденькой секретарши Лены и демонстративно уткнулась в компьютер. Обедать она не пошла, заходить в учительскую или в буфет ей теперь было мучительно тяжело. На большой перемене к ней спустилась Светка, принесла какие-то пирожки. Они посидели немного, разговор не клеился, Анна то и дело невольно косилась на Лену, та делала вид, что пилит ногти, а сама держала ушки на макушке. Потом Светка убежала, а вместо нее пришел Ключев. Вид у него был мрачный. Они с Анной обсудили звонок Дроздова, но опять же кратко, потому что в канцелярии все время был народ. Затем Ключев сообщил Анне неприятное известие – на выходных он снова должен быть в Ростове. Для нее это было ударом – она надеялась хоть пару дней побыть вместе перед визитом к Дроздову.

– Может, мне поехать с тобой? – попросила она Ключева. – Я не буду мешать. И Ростов интересно посмотреть, я там никогда не была.

– Нечего там смотреть, малыш, – мягко, но решительно возразил Дмитрий, – и я не смогу там тебе уделить время и внимание, слишком много дел и проблем. Ты только будешь злиться.

– Не буду я злиться, – запальчиво проговорила Анна, – что я, дура, что ли?

– Ты уже злишься, – Дмитрий улыбнулся, – и дорога тяжелая. Тебе надо отдохнуть за выходные, опять же, Олеся не успеет забрать, приедем за полночь.

– Она может у тетки побыть до вторника, – предложила было Анна, но запал ее потух.

Она видела, что Дмитрию не нужна поездка вместе с ней, навязываться было не в ее правилах. Тем более она вспомнила, что Дроздов велел ей не выезжать из Москвы.

– Ладно, – она махнула рукой, – буду звонить тебе каждые полчаса.

– Это я буду звонить! – с готовностью пообещал Клюев.

На выходные Анна не стала увозить Олесю в Бутово, вместо этого в субботу они вдвоем отправились к Светке. Олеся смотрела мультики и играла с кошкой Муськой, а Анна и Света заказали суши и сидели на кухне с бутылкой итальянского белого вина, привезенного Светкиной сестрой из Милана. Светка очень сочувствовала Анне, даже всплакнула – правда, отчасти в этом была повинна приличная крепость вина. Анну тоже слегка развезло и потянуло на откровенность.

– Вот, Светик, уволят меня из колледжа, запретят заниматься педагогикой, и буду я безработная, – жаловалась она, обнимая подругу. – Как ребенка растить?

– Не переживай, – успокаивала ее Светка, – у тебя теперь есть Клюев. Тебе вообще можно не работать.

– Ой, Светик, не все так просто. – Анна наливала бокал за бокалом. Щеки ее горели, перед глазами плавала пелена.

– Что не просто? – возмутилась Светка. – Я же вижу, как он на тебя смотрит. Абсолютно влюбленный мужик. Нечего волноваться.

– Твоими бы устами...

Анна самодовольно улыбнулась. И тут же сквозь хмельную браваду ее пронзила боль. Почему он уехал? Почему оставил ее здесь одну, в страхе, в тоске и смятении? Неужели дела важнее?

– А, – она безнадежно махнула рукой, – ему его бизнес важнее, чем я. В голове только бабки.

– Зачем ему бабки? Они же старые, а ты молодая и вон какая секси! – пошутила Светка. Они допили вино, посидели еще, болтая уже просто ни о чем. Светка по секрету поведала Анне новость из личной жизни: за ней вот уже неделю ухаживает физрук Лева Геращенко. Разошелся со своей гражданской женой, живет один, звал Светку в Питер на Новый год. Анна порадовалась за подругу, насколько вообще могла радоваться в теперешнем своем состоянии, на том и разошлись.

Воскресенье они с Олесей провели дома, прибрались, сходили в магазин, погуляли во дворе. Дмитрий исправно звонил, правда, не каждые полчаса, а раза три за день. Анна надеялась, что он сам отвезет ее в следственный комитет, но он вернулся в Москву лишь поздно ночью.

– Тебе ко сколько туда – к девяти? Прости, малыш, не проснись. И за руль не сяду – в глаза точно песку насыпали, засну за рулем как пить дать. Поезжай, будем на связи.

Это была последняя соломинка, за которую Анна хотела ухватиться, потому что в глубине души до рези в животе боялась Дроздова. Соломинка обломилась, но зато ей стало легче. Правда, что она, как маленькая? Ее еще никто не обвиняет, это лишь допрос, возможно, все этим и закончится. Все равно Дмитрия не пустят вместе с ней в кабинет к следователю. А если что – он всегда может повидать Дроздова сам, лично, без Анны. Успокоив себя таким образом, Анна залезла под одеяло и постаралась заснуть. На часах было половина третьего ночи.

10

Она практически не спала, утром встала, как зомби, глянула в зеркало: лицо белое, под глазами темные круги. Привычно зашла в ванную, разбудила Олесю, отвезла в сад. Выпила крепкий кофе в «Старбаксе» и поехала к Дроздову.

Его кабинет оказался на втором этаже. Анне выписали пропуск, и она постучала в плотно закрытую дверь.

– Входите, – отозвался Дроздов.

Анна вошла. Следователь сидел за столом и на сей раз был в форме с капитанскими погонами. Перед ним лежала картонная папка на шнурках.

«Мое дело», – обреченно подумала Анна.

– Садитесь. – Дроздов посмотрел на нее, как ей показалось, с брезгливостью. Еще бы! Ведь она в его глазах убийца ребенка, злобная училка с неустроенной личной жизнью, вымещающая на учениках свое раздражение. И как доказать, что все это полнейшая чушь и клевета?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.